

A person wearing a black hooded jacket and dark pants stands with their back to the camera on a mossy, rocky outcrop. They are looking across a wide river towards a forested hillside. The scene is misty and atmospheric, with tall evergreen trees lining the banks. The water in the river is slightly turbulent, creating white foam. The overall mood is somber and mysterious.

Алексей Заборовский

Эхо заброшенных мест
"Рассказы"

Алексей Заборовский

Эхо заброшенных мест "Рассказы"

<https://litres.ru/74059106>

SelfPub; 2026

Аннотация

Несколько судеб, несколько голосов, звучащих в унисон с ледяной тишиной. Мужчина, уставший от собственного отражения, едет на край света в поисках настоящей тишины. Разбитое сердце, старая дружба и призраки прошлого, живущие по ту сторону тумана. Деревня, умирающая вместе с духами, и могилышки, столкнувшиеся с ценой предательства. Инженер, сбежавший от пустоты города в глухую тайгу, находит друга в лице белого волка и учится слышать голоса природы. Группа рабочих, перекапывающих старое кладбище, сталкивается с древней справедливостью, не прощающей забвения. И человек, чья жизнь превратилась в рутину, готовый шагнуть в холодную реку, чтобы ощутить себя живым. Все эти истории объединены одним — поиском смысла в мире, где время течет иначе, где границы между жизнью и смертью, реальностью и сном, прошлым и настоящим становятся хрупкими, как лед на весенней реке. Это — голоса заброшенных мест, эхо невысказанных слов и тишина, которая слышит всё.

Содержание

Книга 1. К северу от себя.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алексей Заборовский

Эхо заброшенных мест "Рассказы"

Книга 1. К северу от себя.

Глава 1. Расписание тишины

Будильник зазвонил ровно в шесть утра, как он делал это каждый будний день последних много лет. Антон не стал бороться с привычкой тела просыпаться за пять минут до звонка — он просто лежал с открытыми глазами в полумраке спальни, слушая, как тикают последние секунды тишины.

Тишина здесь была особенной — не живой, природной, а густой, настоящей на одиночестве и внутреннем противоречии.

Квартира в новом «комфорт-классе» с ремонтом в стиле «скандинавский минимализм» поглощала звуки, как стерильная камера. Светло-серые стены, паркет под цвет серого утра, дизайнерский торшер, который он включал раз в месяц, чтобы не перегорала лампочка. Все было идеально, как на картинке из каталога, которую он когда-то, пять лет назад,

показывал жене. Кате. Екатерине.

«Здесь будет наш дом», — сказал он тогда. Она улыбнулась, но в уголках глаз что-то дрогнуло. А через год ее здесь не стало. Она не умерла — она просто ушла к другому, чело- веку, в чьей квартире пахло котом и жареной картошкой, кто смеялся громко и включал музыку посреди ночи. «Мне здесь душно, Антоша, — сказала она на прощание. — У тебя все как по линейке. Даже печаль у тебя какая-то правильная».

Он встал, босиком прошел по холодному паркету в ван- ную. Его отражение в зеркале было знакомым до тошноты: сорок два года, аккуратная проседь у висков, еще не успе- шая расползтись, глаза серые, спокойные, с легкими мешка- ми недосыпа под ними. Лицо мужчины, который держит се- бя в руках. Он побрился тем же станком, нанес тот же лосьон с запахом дерева и мяты. Действия были отточены до авто- матизма, освобождая мозг для фонового гула неопределен- ной тревоги.

Завтрак — овсянка на воде, два вареных яйца, чашка черного кофе. Хозяин квартиры сидел на высоком стуле у барной стойки, глядя в огромное окно-панораму. Внизу, в двадцати этажах под ним, город просыпался, зажигая фа- ры в утренней мгле. Его город, в котором он родился, вы- рос и занял свою, казалось бы, прочную нишу. Начальник планово-диспетчерского отдела на машиностроительном ги- ганте «ВостокПромМаш». Зарплата, позволяющая выплачи- вать ипотеку за эту стерильную коробку, содержать трехлет-

ней давности черный Skoda Superb в подземном паркинге и дважды в год летать в Турцию или Таиланд в отель «все включено». Средний класс. Успех. По меркам большинства — да.

Антон помыл чашку, поставил ее в сушку. На секунду его взгляд зацепился за закрытую дверь второй спальни — «кабинета». Там, в идеальном порядке, стояли под стеклянными колпаками собранные им модели парусников. Хобби. Когда-то, несколько лет назад, это его затягивало: крошечные детали, запах клея, тишина долгих вечеров. Теперь он заходил туда раз в месяц, чтобы стереть пыль. Процесс перестал приносить удовольствие, осталась лишь привычка и видимость увлечения. Как и все остальное.

Дорога на работу занимала ровно сорок пять минут. Он включал подкаст о новых технологиях в менеджменте и слушал его, не слыша. Руки сами поворачивали руль, ноги переставляли педали. Его мысли кружили вокруг одного и того же: сегодня среда, в четверг отчет по эффективности, в пятницу — планерка с дирекцией. Потом суббота, воскресенье. В субботу — бассейн, абонемент, который надо отрабатывать, в воскресенье — поход в гипермаркет за продуктами на неделю. И так по кругу.

Проходная завода — стальная глыба советской эпохи, облицованная новым пластиком. Знакомое лицо вахтера, кивок. Длинный коридор административного корпуса, запах старого линолеума, лака и тоски. Его кабинет — простор-

ный, с большим столом, двумя компьютерами и видом на цеха. На стене — сертификат «Лучший руководитель года-2019».

Первые два часа ушли на просмотр почты и цифры. Цифры планов, цифры факта, цифры отклонений. Цифры, которые когда-то говорили ему о жизни завода, а теперь стали просто абстракцией, набором символов в таблицах Excel. В десять пришла Марина, его заместитель, с проблемой по отгрузке.

— Антон Валерьевич, у «Кронштадта» снова претензии по упаковке, — ее голос был ровным, деловым. — Грозятся штрафными санкциями.

Он выслушал, дал инструкции — те же, что давал в прошлый раз, и позапрошлый. Решение было правильным, эффективным. Марина кивнула и вышла. В кабинет снова вернулась тишина, нарушаемая лишь тихим гудением системного блока.

Именно в эту «тишину», ближе к обеду, и вошел Павел Сергеевич, начальник отдела кадров. Его лицо было странно бесстрастным, формально-сочувствующим.

— Антон Валерьевич, есть минутка? По поводу структурных оптимизаций...

Антон слушал. Слова летели мимо, но смысл долетел и впился точно в солнечное сплетение: «...вынужденная мера... сокращение непрофильных активов... планово-диспетчерский отдел сливается с отделом логистики... ваша пози-

ция, к сожалению... соглашение о расторжении по соглашению сторон с компенсационным пакетом...»

Голос Павла Сергеевича звучал, как шум из телевизора в соседней комнате. Антон смотрел на него и видел не лицо, а размытое пятно. Он кивнул. Сказал что-то вроде «понимаю» и «спасибо за информацию». Пожал протянутую руку. Его собственная рука была сухой и холодной.

Когда дверь закрылась, он не рухнул на стул, не закричал, не стал звонить с гневными воплями. А просто развернулся к окну и смотрел на дымящие трубы цехов. Внутри не было ни паники, ни даже страха. Было что-то другое. Тяжелое, как свинцовый колокол, облегчение.

Странно, но первой мыслью было: «Теперь завтра не будет среды. Не будет планерки в пятницу».

Антон собрал личные вещи в картонную коробку — пару книг, чашку, циркуль. Процесс занял десять минут. В коридоре столкнулся с молодым экономистом из смежного отдела, который, узнав новость, пробормотал.

— Вот это да, Антон Валерьевич... Не ожидали... Держитесь.

Фраза прозвучала как ритуальный заговор, лишенный смысла. Из соседнего кабинета вышла Марина. Ее глаза избегали встречи с его взглядом. — Если что с документами — я помню, где что лежит. Обращайтесь», — сказала она быстро и деловито, уже отстраняясь, переходя в новый расклад сил.

А вот у лифта его догнал старый технолог Геннадий Иванович, работавший на заводе со времен его отца «Гороха». Тот положил ему на плечо тяжелую, в мозолях, руку и хрипло прошептал, пахнув махоркой и смазкой.

— Не тужи, Антон. Эти... они всех порежут. Ты парень правильный, головастый. Без работы не останешься. Может, оно и к лучшему, а? Вырвало тебя из этой конторы — глядишь, и жизнь начнется.

И похлопал по плечу, смущенно, по-мужски. Этот жест, неловкий и искренний, пронзил сильнее всех официальных соболезнований.

Дорога домой в тот день не имела длины во времени. Он ехал, не включая подкастов, и слышал лишь шум шин и редкие гудки машин. Мобильный телефон на пассажирском сиденье изредка вспыхивал уведомлениями. Коллеги. Короткие сообщения: «Антон, только что узнал, соболезную», «Крепись», «Это несправедливо», «Будь на связи». Он читал их и видел за текстом не лица, а отстраненную вежливость, смешанную с легким облегчением: «Пронесло мимо меня». Никто не позвонил. Звонок — это вовлеченность, риск, время. СМС — безопасный ритуал прощания с ушедшим из племени.

Антон сел за свой пустой домашний стол. Взгляд упал на экран компьютера, где утром была открыта таблица с планом на апрель. Квартальный план. Годовой план. План его жизни, составленный кем-то другим и принятый им когда-то к

исполнению.

Внезапно, сквозь оцепенение, прорвалась одна-единственная, острая, почти физическая тоска. Не по работе, не по статусу. А по чему-то настоящему. По запаху костра, а не подогреваемого в микроволновке обеда. По крику настоящей птицы, а не по писку сигнализации во дворе. По разговору, в конце которого не надо говорить «ясно, делай так».

Он взял со стола идеально отполированный латунный циркуль, сувенир от поставщиков. Держал его в ладони, чувствуя холод металла. И впервые за много лет Антон Белянский позволил себе просто сидеть. Не думать о планах. Не анализировать. Не искать решения. Не проверять почту в ожидании новых задач. Просто сидеть и смотреть, как за окном медленно гаснет короткий весенний день, падает снег, и слушать, как в наступившей тишине квартиры-стерилизатора гулко и ритмично бьется его собственное, одинокое сердце.

Конец дня. Конец эпохи. А что дальше — не было понятно. И в этой непонятности, странным образом, таился проблеск чего-то живого. Тишина вокруг больше не была густой и давящей. Она была просто тишиной. Пустым пространством. А пустота, как известно, — лучшее условие для появления нового звука.

Глава 2. Порочный круг из хорошей бумаги

Три недели после разговора с Павлом Сергеевичем пролетели в странном, ватном вакууме. Антон оформил всё по «соглашению сторон» — так было цивилизованнее и выгоднее. Компенсационный пакет был щедрым: шесть окладов, оплата неотгулянного отпуска, сохранение полиса ДМС до конца года. Финансово он мог не работать год, полтора и не заметить ущерба. Именно эта финансовая подушка, которая должна была дарить спокойствие, теперь вызывала глухое раздражение. Она была как констатация: ты отработанный материал, но мы заплатим, чтобы ты ушел тихо.

В первый же день «свободы» он сел за ноутбук на своем идеальном кухонном острове и составил таблицу. Столбцы: «Компания», «Вакансия», «з/п», «Требования», «Статус». Это успокаивало — возвращало иллюзию контроля. Он рассылал резюме методично, как солдат на позициях. Его опыт, его «Лучший руководитель года-2019» были весомыми аргументами. Отклики приходили быстро. Странно все внутри щемило, от проживаемой жизни, но снова делал все «как надо», «как привык».

Первое собеседование было в консалтинговой фирме в стеклянной башне в центре. Интерьер — открытые пространства, кресла-мешки, запах свежесваренного кофе и амбиций. HR-директор, женщина лет тридцати в идеальном блейзере, улыбалась ярко и «беззубо».

— Антон, расскажите о вашем самом сложном управлен-

ческом решении, — спросила она, и в ее глазах светился заученный интерес.

Он говорил о реструктуризации логистических потоков в кризис 2015-го. Говорил четко, по пунктам, с цифрами. Она кивала. А потом спросила.

— А как вы относитесь к концепции agile-трансформации линейных производственных процессов в парадигме scrum-подхода?

Вопрос повис в воздухе. Антон смотрел на нее и видел не человека, а говорящий учебник по менеджменту. Он ответил что-то общее, правильное. Ему улыбнулись, поблагодарили, сказали «мы вам перезвоним». Звонка не последовало.

Второе собеседование было на заводе-конкуренте, поменьше. Директор по производству, грузный мужчина с усталыми глазами, похожими на его собственные, слушал молча.

— План-факторный анализ ты везешь? — перебил он на середине фразы.

— Конечно.

— А дисциплину? Люди нынче — пыль. Пожаловаться

побегут, уволиться. С ними как?

Антон начал рассказывать о системе КРІ, мотивации. Директор махнул рукой.

— Теория. Мне надо, чтоб гайки крутились. Ты с «ВостокПромМаша»... Там народ сытый, обленившийся. У нас драка за каждый станко-час. Потянешь?

Вопрос был честным. И Антон, глядя в эти усталые глаза, понял, что не потянет. Не потому что не сможет, а потому что не хочет. Не хочет снова погружаться в эту бесконечную, изматывающую драку. Он сказал «справлюсь», но в голосе прозвучала фальшь, которую директор уловил мгновенно. Кивнул, не дослушав: «Мы подумаем».

Третье, четвертое, пятое... Они сливались в один беспокойный сон. Антон приходил в офисы, говорил правильные слова, смотрел в глаза людям, которые искали в нем не человека, а функцию. Да с сам чувствовал себя функцией — «опытный руководитель среднего звена», упакованный в деловой костюм и набор корпоративных клише. Каждый раз, выходя из здания после собеседования, делал глубокий вдох, будто всплывая после долгого погружения, и чувствовал нарастающую тошноту. Он был неживым товаром на полке, и покупатели вежливо шупали его, но клали обратно.

Дни, лишённые структуры, растягивались в резиновую,

тоскливую паутину. Антон ходил в бассейн по утрам, отмеряя дорожку за дорожкой с механической точностью. Заходил в пустой «кабинет», смотрел на свои парусники под колпаками — фрегаты, бриги, каравеллы. Застывшие в идеальных позах, они ждали ветра, которого никогда не будет. Однажды он взял в руки «Кэтти Стюард», самую сложную свою работу. Рассмотрел крошечные снасти, паруса. И вдруг остро, до боли, захотелось разбить стекло, выхватить корабль и швырнуть его об стену, чтобы хоть что-то хрустнуло, разлетелось, издало звук.

Вместо этого он аккуратно поставил модель на место и вышел, плотно закрыв дверь.

Пик отчаяния, иронично, наступил не в момент бездействия, а в момент, когда пришло самое заманчивое предложение. От логистической компании с иностранным капиталом. Позиция — директор по планированию. Зарплата — на треть выше прежней. Офис — с видом на реку. HR-менеджер, молодой парень в очках в тонкой оправе, сказал по телефону почти бодро.

— Антон Валерьевич, мы вас видим в нашей команде! Коллегия партнеров утвердила, осталось пройти формальное собеседование с вице-президентом по региону в пятницу. Все будет ок!

И в этот момент, слушая этот жизнерадостный голос, Антон понял страшное: он этого не хочет. Не хочет этого офиса, этой зарплаты, этого «вице-президента». Мысль о том, что

он снова наденет маску, войдет в новый, чуть более позолоченный круг той же самой беличьей колее, вызвала у него приступ настоящей, физической паники. Он сжал телефон и выдавил.

— Спасибо, я подумаю.

Положив трубку, он долго стоял посреди гостиной, глядя в огромное, чистое окно. За ним был город, миллионы огней, жизнь. А он был здесь, в своей тихой, красивой, мертвой клетке. На него давили стены, давил потолок, давил этот идеальный паркет. Ему нужно было на воздух. Просто выйти и идти. Куда угодно.

Ему нужно и правда подумать, все слишком не определено. Антон накинул первое, попавшееся под руку пальто — дорогое, кашемировое, купленное для важных переговоров, — и вышел, хлопнув дверью. Лифт плавно понес его вниз, в подземный паркинг, но он нажал кнопку первого этажа. Ему нужно было на улицу, к людям, к шуму, к жизни, которую он чувствовал лишь через толстое стекло.

Он вышел во двор, прошел через арку на тихую, уютную улицу с дизайнерскими фонарями и ровно подстриженными кустами. И пошел не в сторону оживленного проспекта, а вниз, к старому району, к набережной, где в его детстве еще пахло рекой и мазутом, а не кофе и деньгами.

Шел быстро, почти бежал, не замечая прохожих. В голове стучало: «Не хочу. Не хочу. Не могу». Пальто было ему не по погоде, вспотевшая спина леденила кожу. Он свернул в ста-

рый сквер — островок запустения среди новостроек. Здесь были разбитые скамейки, голые, кривые деревья и смутный запах прошлого. И тут он увидел их.

На замерзшей, грязной луже у детской песочницы, давно ставшей собачьим туалетом, лежал лебедь. Большая, величественная птица, с белоснежным, теперь запачканным в грязи оперением, беспомощно билась одним крылом. Второе крыло неестественно выгибалось, явно сломано. Рядом, растопырив маленькие крылышки и шипя, метался лебеденок, серый, нелепый комок пуха. Он пытался прикрыть мать, атаковать невидимого врага, тыкался клювом в ее неподвижное тело.

Антон замер. Вся его внутренняя буря, весь комок отчаяния и тоски застрял в горле. Он смотрел на эту трагедию, разыгрывающуюся в грязи среди битого стекла и пивных банок. Лебедь подняла длинную шею, посмотрела на него темным, бездонным глазом. В этом взгляде не было ни мольбы, ни страха. Было просто страдание и гордая, дикая покорность судьбе.

И тут из-за угла, таякая и рыча, выскочила стая бездомных собак. Три-четыре помеси, тощих, с желтыми глазами. Они учуяли легкую добычу. Лебеденок отчаянно зашипел, встав между собаками и матерью.

Антон не думал. Мыслей не было вообще. Было лишь чистое, животное движение.

— АЙ! КШШ! ПОШЛИ ВОН! — Его собственный голос, хриплый, незнакомый, разорвал тишину сквера.

Он бросился вперед, замахнувшись ключами от «Шкоды», которые оказались в руке. Собаки, ошарашенные неожиданной атакой, отпрянули, заворчали. Самая крупная, дворняга с разорванным ухом, сделала выпад в сторону лебеденка. Антон пнул в ее сторону комок мерзлой земли. Попал. Собака взвизгнула и отскочила. Еще секунда — и вся стая, поняв, что двуногий сошел с ума, с негодующим тьяканьем отступила в сумерки.

Он стоял, тяжело дыша, над растерзанным царством птиц. Лебедь снова опустила голову в грязь, лишь слабо пошевеливая целым крылом. Лебеденок, забыв про него, тыкался клювом в ее перья.

Нужно было что-то делать. Звонить. Куда? В службу спасения животных? Сейчас, в семь вечера? Он набрал номер, который нашел в интернете. Долгие гудки. Потом уставший женский голос:

— Если животное ранено, вы можете привезти его к нам на станцию, адрес.

Станция была за городом. В тридцати километрах.

Он снова посмотрел на лебедя. Потом на свое кашемировое пальто. Потом снова на лебедя.

Антон снял пальто, аккуратно, почти ритуально положил его на грязную скамейку. Подошел к птице.

— Тихо... Тихо теперь... — прошептал, не узнавая свой голос.

Он наклонился, стараясь не смотреть в тот темный, все понимающий глаз. Осторожно, боясь причинить еще больше боли, просунул руки под горячее, трепетное тело птицы. Она слабо сопротивлялась, хлопнула здоровым крылом, но сил у нее не было. Он поднял ее. Она была неожиданно тяжелой, живой, настоящей. Лебеденок, испуганно пища, поплелся за ним.

Так он и шел по темнеющим улицам — мужчина в дорожной рубашке и жилетке, несущий на руках огромную, грязную, умирающую птицу, а за ним, поскальзываясь, брел серый пуховичок. Прохожие оборачивались, кто-то снимал на телефон. Ему было все равно.

Он донес лебедя до своего подъезда. Охранник у входа вытаращил глаза, но не сказал ни слова — слишком уж решительным было лицо у жильца. Антон уложил птицу на расстеленное на пассажирском сиденье «Шкоды» пальто, лебеденка посадил на сиденье. И поехал. В неизвестность. На станцию. Сквозь вечерний поток машин, под «удивленные» взгляды водителей.

Вел машину одной рукой, другой придерживая куртку, чтобы птица не скатилась. И в этой безумной, отчаянной поездке, в запахе крови, перьев и страха, с ним произошло что-то важное. Впервые за многие месяцы, а может, и годы, он делал что-то не потому что «надо», не по плану, не для га-

лочки. Он делал это потому что не мог иначе. И в этой спонтанной, иррациональной невозможности лежала крупица чего-то такого, чего он не мог назвать, но что отдаленно напоминало жизнь. На полпути к станции лебедь затихла. Со всем.

Антон понял это не сразу. Потом он почувствовал, как дрожь в «куртке» под его ладонью прекратилась. Он съехал на обочину, птица лежала, вытянув свою изящную шею, темный глаз был теперь закрыт белой пленкой. Лебеденок на сиденье тихо попискивал.

Он сидел над ней, и по его щекам, к собственному удивлению, текли горячие, соленые слезы. Антон не плакал с тех пор, как умер отец. А сейчас плакал над незнакомой птицей в грязном на обочине кольцевой дороги.

Он довез тело до станции, передал его уставшей женщине-ветеринару, оставил лебеденка на передержку и пожертвовал на его содержание пятнадцать тысяч наличными — все, что было в кошельке.

Обратная дорога в пустом, темном автомобиле была самой долгой в его жизни. В пальто он так и не вернулся — остался в тонком жилете, и холод пробирал до костей. Но это был честный, чистый холод с улицы, а не искусственный мороз из кондиционера.

Дома, в стерильной тишине своей квартиры, он подошел к огромному окну, обнял себя за плечи и простоял так до самого утра, глядя, как на город опускается туман, скрывая

линии и планы. Внутри него что-то сломалось или, наоборот, встало на место. Задумчивые мысли, страх

Антон окончательно понял, что больше не может. Не может рассылать резюме. Не может надевать маску. Не может жить в этой беличьей клетке из правильных решений. Нужно было бежать. Не в Турцию. Не на дачу. Бежать от себя самого, от этого призрака, в которого он превратился.

И тогда, в сером свете наступающего утра, его взгляд упал на старую, запыленную фоторамку на книжной полке. Школьное фото. Он, улыбающийся, с глупой челкой, и рядом — Дима Соколов, его лучший друг, с которым они когда-то мечтали о кругосветке на яхте. Дима, который уехал на Север сразу после института и звал его за собой. «Ты с ума сошел, там же медведи и никакого толка!» — смеялся тогда Антон.

Он взял телефон. Пальцы сами нашли в мессенджере старый, года три не обновлявшийся чат. Последнее сообщение было от Димы два года назад: фотография северного сияния над какими-то антеннами. Подпись: «Красота-то какая. Лечит душу, братан».

Антон набрал сообщение. Стер. Набрал снова. Снова стер. Потом просто нажал кнопку звонка.

Сигналы пошли в эфир, в неведомую даль, за тысячи километров, туда, где, как он помнил, у Димы был плохой прием и вечная мерзлота под ногами. Он слушал длинные гудки, и сердце его билось так, как не билось даже сегодня, на

той грязной луже, когда он бросался на собак. В этом звонке была последняя, отчаянная надежда. Первая по-настоящему взрослая молитва.

Гудки прервались.

Глава 3. Голос из вечной мерзлоты

Гудки длились бесконечно. Антон уже приготовился услышать автоответчик с веселым голосом Димы. «Брось координаты, перезвоню, как выйду из тайги!» Но вместо этого связь внезапно прошипела, захрипела, как человек с большими легкими, и на том конце что-то упало со стуком.

— Алё! — прогремел в трубку голос, такой знакомый и такой далекий, будто доносившийся не через тысячи километров, а сквозь толщу лет. — Кто звонит? Прием хреновый!

— Дима, — сказал Антон, и его собственный голос показался ему чужим, сдавленным. — Это я. Белянский.

На том конце воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием помех. Потом Дима медленно выдохнул:

— Блин. Антон. Ты живой?

Они не виделись пятнадцать лет. Переписывались от случая к случаю, скидывали друг другу открытки на Новый год — Дима настоящие, бумажные, с видами тундры. Последняя была три года назад. На ней стоял штамп метеостанции «Полюс Холода-2».

— Живой, — хрипло ответил Антон. И почему-то добавил: — Пока что.

Это «пока что» повисло в эфире, как признание. Дима его уловил сразу. В его голосе исчезла первоначальная отстраненность, проступила тревога.

— Что случилось, братан? Ты на «ВостокПромМаше»? Кажется, у вас там...

— Сократили, — быстро выпалил Антон, будто срывая пластырь. — Месяц назад.

Еще одна пауза. Потом тихий, низкий свист.

— Понятно. Ну, держись. Земля круглая, работу найдешь. Ты же спец.

— Я не про работу, Дима, — Антон прижал ладонь ко лбу, закрыв глаза. Он стоял у окна, и в отражении видел свое бледное, изможденное лицо. — Работу... предлагают. Не ту.

— А... — в голосе Димы появилось понимание. — Душа, значит, болит. Знакомо.

И вот они заговорили. Не о цифрах, не о планах, не о карьере. Антон, сбивчиво, обрывочно, начал рассказывать. Про пустую квартиру, про парусники под стеклом, про собеседования, где он чувствовал себя манекеном. Про лебедя. Особенно про лебедя. Голос его то срывался, то затихал. Он говорил, как человек, который долго держал плотину, и вот она рухнула, смывая все на своем пути.

Дима слушал. Молча, не перебивая. Лишь иногда в трубке слышалось его ровное дыхание и далекий вой ветра.

— Ты знаешь, — наконец сказал Дима, когда Антон выдохся, — тут у нас эвенки говорят: когда человек теряет свой

след, ему нужно уйти туда, где следов вообще нет. Чтобы найти свой заново.

— Я не знаю, куда идти, — признался Антон. Это было страшно — произнести это вслух.

— Ко мне, — просто сказал Дима. — Приезжай в гости. Просто так. Воздух сменишь. У нас тут... воздух другой.

— К тебе? На метеостанцию? — Антон невольно улыбнулся, представив себя среди снегов и антенн. Картинка из детской книжки.

— Нет, тут у меня сейчас напарник, вахта идет. Но... — Дима замялся, будто взвешивая что-то. — Есть вариант. Тут в пятистах километрах от нас есть старая станция, «Зимовье». Ее нужно законсервировать, данные с нее давно не идут, точнее не так важны, но оборудование демонтировать, журналы забрать. Месяца на полтора, два работы. Смотритель уволился, уехал, нового не прислали. Живет там сейчас старик, Дядя Коля, сторож, он не справится один. Я могу тебя туда устроить. Временная ставка, по договору. Небогато, но... место уникальное. На перевале, над тайгой. Там... думать хорошо, а еще на дальней станции нужно ...есть кое-какая работа. Но это уже...

Антон охватило смятение. Метеостанция. Глушь. Демонтаж. Это было настолько далеко от всего, что он умел и знал, что казалось абсурдом.

— Я в этом ничего не понимаю, Дима. Я экономист, я с приборами...

— Там инструкции есть. Я тебе все объясню. У дяде Коле руки золотые, он научит, что починить. А главное — тишина. И небо. Такого неба ты в жизни не видел. — В голосе Дима звучала неподдельная, почти религиозная убежденность.

— А что с... с жизнью тут? — слабо спросил Антон, оглядывая свою стерильную квартиру.

— Она подождет. Ну или не подождет. Какая разница? — Дима хрипло рассмеялся. — Слушай, я не агитирую. Но если ты правда в тупике... Иногда нужно не искать выход в старом лабиринте, а просто сломать стену и выйти в поле. Даже если в поле метель.

Они договорились, что Дима перезвонит через пару дней, уточнит детали с начальством. Антон положил трубку и почувствовал, как по его телу разливается странная, нервная дрожь. Не страх. Скорее, ток — как будто он прикоснулся к оголенному проводу после долгих лет жизни под напряжением в 220 вольт. А тут было тысячи.

Он прошелся по квартире. Его взгляд выхватывал детали: пыль на телевизоре с большой диагональю, который он почти не смотрел; вино в баре, которое он пил только по праздникам в одиночку; папка с документами по увольнению на столе, аккуратная, убийственно чистая.

«Сломать стену и выйти в поле».

Мысль была безумной. Невыполнимой. Он — Антон Белянский, бывший начальник ПДО, владелец квартиры в ипотеку — и вдруг едет сторожем на заброшенную метеостан-

цию? Это был сюжет для плохой книги, или для последнего отчаянного жеста сломленного человека.

Следующие два дня прошли в лихорадочном бездействии. Он пытался читать, смотреть фильмы, но все валилось из рук. Ловил себя на том, что гуглит: «метеостанция оборудование», «тайга выживание», «как чинить дизель-генератор». Это было смешно и трогательно. Выходя в магазин, он придирчиво рассматривал теплые вещи, хотя на улице был конец апреля и уже зеленела трава.

Вечером второго дня зазвонил телефон. Не Дима. Незвестный номер с кодом того северного края.

— Антон Валерьевич? — произнес официальный, но не неприятливый мужской голос. — Вас беспокоит Рогачев, начальник Северного метеоцентра. О вас рассказал Дмитрий Соколов. У нас, действительно, есть временная вакансия на станции «Зимовье». Работа несложная: поддержание порядка, ежедневный съем показаний с приборов, консервация части оборудования. Жилье предоставляется — домик на станции. Продуктами обеспечим на первый срок. Оклад скромный, но северные надбавки и полевое довольствие. Интересно?

Антон стоял посреди гостиной и смотрел на свое отражение в темном окне. Там, в отражении, был человек на развилке. Одна дорога вела назад: к новым собеседованиям, к новой, чуть более позолоченной клетке, к медленному угасанию в этом идеальном интерьере. Другая — в никуда. В

белое пятно на карте. В метель.

— Да, — сказал он четко, перекрывая внутреннюю дрожь.
— Интересно. Что нужно сделать?

Они обсудили формальности: отправить скан паспорта, трудовой, подписать договор дистанционно. Рогачев звучал устало и деловито, как будто отправлял людей в глухомань каждый день. Возможно, так оно и было.

Когда разговор закончился, Антон сел на диван и уставился в стену. Решение было принято. Теперь его охватила не дрожь, а странная, леденящая пустота. Как перед прыжком с высоты.

Он встал, пошел в спальню, достал с антресоли большой походный рюкзак, купленный когда-то для несостоявшегося похода в горы. Поставил его посреди комнаты. Потом взял ноутбук и хорошую беззеркальную камеру — подарок самому себе на прошлый день рождения, который так и лежал в коробке. Он положил их рядом с рюкзаком.

«Блог, — подумал он. — Буду вести блог. «Дневник с края света». Чтобы не сойти с ума. Чтобы оставалась связь. Чтобы... засвидетельствовать».

Это была последняя попытка ухватиться за рациональное, за знакомое. Документировать. Анализировать. Превратить безумие в проект.

Он начал собирать вещи механически, как робот. Каждое действие было простым и понятным. И в этой простоте было облегчение. Не нужно было думать о стратегиях, KPI и кор-

поративной политике. Нужно было думать о теплых носках. Это было по-человечески.

Поздно вечером, Антон сел на пол у окна, прислонился спиной к холодному стеклу и смотрел на огни города. Он думал о лебедь. О том, как то тяжелое, живое тело обмякло у него в руках. Смерть была настоящей. Боль была настоящей. А все, чем он жил до этого, было картонной декорацией.

Он достал телефон, открыл приложение с банковскими счетами. Перевел очередной платеж по ипотеке. Потом написал сообщение управляющему домом, что уезжает в длительную командировку, и просил присматривать за квартирой. Последнее было похоже на записку, оставляемую перед самоубийством, и он с горькой усмешкой это осознал.

Потом открыл чистую страницу в блокноте на ноутбуке. Курсор мигал на белом поле. Набрал заглавными буквами: *«ДНЕВНИК С КРАЯ СВЕТА. ДЕНЬ НУЛЕВОЙ».*

И под ним:

«Завтра лечу на Север. Не знаю, зачем. Знаю только, что оставаться здесь — все равно, что быть лебедем в грязной луже. Ждать, когда придут собаки. А они всегда приходят».

Он сохранил файл, закрыл ноутбук.

Впервые за много лет, ложась спать в своей идеальной, тихой спальне, Антон Белянский не думал о завтрашнем дне. Он просто слушал тишину. Она была не пустотой, а ожиданием. Предчувствием ветра, который вот-вот должен был ворваться в наглухо закрытые окна его жизни и снести все —

и пыль, и парусники, и планы — в небытие. Он почти ждал этого ветра. Почти надеялся на него.

Последней мыслью перед сном была простая, почти детская: «Интересно, а там, на перевале, бывают лебеди?»

Сон пришел быстро и был, на удивление, глубоким и без сновидений.

Глава 4. Исход из Египта

Утро началось с мелкого, но принципиального предательства. Антон отменил еженедельную уборку у клининговой службы. Не «перенес», а именно отменил. Восемь лет, каждую субботу в десять утра, в дверь звонила аккуратная женщина с сумкой на колесиках, и квартира за три часа возвращалась в состояние стерильного идеала. «Нам не нужна уборка, мы уезжаем», — сказал он по телефону, и в этих словах «нам» и «уезжаем» была странная, запретная сладость. Никакого «нам» не существовало. Но он говорил от лица своего будущего, пугающего и манящего «я», которое уже сидело где-то в самолете над тайгой.

Сборы превратились в странный ритуал избавления. Он стоял перед открытым шкафом и проводил ревизию своей прежней жизни. Костюмы, рубашки с галстуками, парадные туфли — все это висело как шкура сброшенного существа. Он взял один костюм, самый дорогой, из тонкой шерсти, и прижал к лицу. Пахло химчисткой и чужими решениями. Он

упаковал его в самый дальний угол гардеробной. «На всякий случай», — мысленно оправдался, но тут же понял: никакого случая не будет. Тот человек, который носил этот костюм, умер. Медленно и тихо, как тот лебедь.

В походный рюкзак и большую спортивную сумку он клал только практичное: термобелье, флиски, две пары крепких поношенных джинс, непромокаемые штаны и куртку, которую купил вчера в спортивном магазине, чувству себя самозванцем среди молодых альпинистов. Положил новенькие, громко шуршащие ботинки с мембраной. Камеру, ноутбук, пауэрбанки. Аптечку, укомплектованную по инструкциям из интернета: от поноса до кровоостанавливающих жгутов. Смотрел на эти жгуты и нервно смеялся. Он, срезавший себе палец разве что бумагой в офисе.

Отдельным пакетом лежали «связующие нити»: зарядки, переходники, портативный роутер с сим-картой, которую ему обещали активировать в райцентре. Обещали устойчивый сигнал. Он в это не верил, но сам факт покупки этого роутера был актом веры в то, что связь с миром возможна и необходима.

Потом обошел квартиру. Не как хозяин, а как вор, который должен запомнить расположение ценностей перед ограблением. Остановился у полки с парусниками. Стекланные колпаки блестели в утреннем свете. «Кэтти Стюард» гордо несла свои паруса в несуществующий ветер. Рука сама потянулась к колпаку, чтобы снять его, взять хрупкий кор-

пус... Но он опустил руку. Нет. Пусть остаются тут, в своем законсервированном, безопасном мире. Это — его прошлое. Музей самого себя.

Он вышел из квартиры, оставив ключи под ковриком для управляющего (абсурдный, но понятный обоим жест), и поехал в аэропорт на такси. Садиться за руль своей «Шкоды» не было сил. Машина осталась в подzemелье, как броненосец на приколе.

Аэропорт поразил его своим неестественным оживлением. Толпы людей, бегущих по своим делам с сосредоточенными лицами. Он чувствовал себя призраком, прозрачным и невесомым, который движется против потока. Регистрация на рейс до Крайнего Севера прошла быстро — народу было мало. Девушка за стойкой бросила беглый взгляд на его походную экипировку и безразлично протянула посадочный. «Рейс задерживается на час из-за погоды в пункте назначения». «Погода» — это слово прозвучало как первое предупреждение, весточка из того мира, куда он летел.

В зале ожидания будущий «полярник» купил кофе и сел у окна, смотря на взлетные полосы. До вылета оставалось время, и его накрыла первая, острая волна сомнения. Что он делает? Он бросил все. Квартиру, машину, остатки карьеры. Полетит в гиблую дыру, чтобы крутить какие-то приборы и жить в избушке с незнакомым стариком. Это был чистый, неразбавленный побег. Трус. Беглец. Дима говорил про «сло-мать стену», но чувствовал он себя не стеноломом, а крысой,

бегущей с тонущего корабля, который, возможно, еще и не тонул вовсе.

Антон достал телефон, открыл браузер. «Вакансии директор по планированию». Первая же ссылка вела на сайт той компании с иностранным капиталом. Он мог им позвонить. Сейчас. Сказать, что передумал. Что готов на собеседование. Что...

На соседнем кресле кто-то громко разговаривал по телефону. Молодой мужчина в таком же, как у него когда-то, дорогом пальто, только новом.

— Да, Сергей Петрович, презентация готова, KPI выведены, я уверен, что они купят... Нет-нет, я все просчитал, сижу в аэропорту, лечу их убеждать... Абсолютная уверенность!

Голос был звонким, напористым, полным той самой дешевой уверенности, которая когда-то была и у него. Антон смотрел на этого человека и видел себя пятилетней давности. Видел пустоту за блеском в глазах, нервный тик в уголке рта, сжатые кулаки. Этот человек летел «их убеждать». А он летел... просто летел. Никого не убеждать. Ничего не продавать. Он закрыл браузер.

Посадка была объявлена. Рейс был не на большом лайнере, а на турбовинтовом самолетике, похожем на игрушку. Пассажиров было человек тридцать — суровые мужчины в камуфляже, пара геологов с потрепанными рюкзаками, несколько женщин с усталыми лицами, вероятно, вахтовики.

Антон с его новенькой, яркой курткой и городским рюкзаком выделялся как попугай среди ворон.

Он сел у иллюминатора. Самолет взревел, пробежался по полосе и оторвался от земли. Антон прижался лбом к холодному стеклу. Внизу уплывал его город — четкие квадраты кварталов, ниточки дорог, блестящие пятна водоемов. Он искал глазами свой район, свой дом, но не нашел. Все слилось в одно серое пятно. Исчезло. Как и его прошлая жизнь.

Когда самолет набрал высоту и пошел над сплошной пеленой облаков, к нему подошел стюард, немолодой, с обветренным лицом.

— Первый раз на север? — спросил он негромко, разливая сок.

Антон кивнул.

— По работе?

— Да... Вроде того.

Стюард хмыкнул, поняв все.

— Ничего. Привыкнешь. Главное — чай горячий пей и не грусти. У нас на севере грусть замерзает внутри и потом не оттаивает.

Он отошел, оставив Антона с этой странной, страшной метафорой. «Грусть замерзает внутри». А что, если она уже замерзла? И что будет, если она оттает там, в тайге?

Полет длился четыре часа. Антон то дремал, то просыпался от турбулентности, хватаясь за подлокотники. Он смотрел в иллюминатор. Пейзаж внизу менялся кардинально: сначала поля, потом редкие леса, потом — бескрайнее, пупырчатое от чахлых деревьев море тайги, прорезанное извилистыми нитками замерзших рек. Цивилизация кончилась. Осталась только планета. Суровая, безразличная, огромная.

Перед посадкой самолет сделал круг над городом. Вернее, над тем, что называлось городом: скопление серых, похожих на спичечные коробки домов, дым из нескольких труб, заснеженное поле аэродрома и бескрайняя белая пустошь во круг, упирающаяся в лиловую полосу леса на горизонте.

Шасси ударились о бетон, самолет подпрыгнул и покатил по взлетной полосе, засыпанной по краям грязным, слежавшимся снегом. Апрель здесь явно означал что-то другое.

Выход из самолета ударил по лицу морозным, хрустальным воздухом. Он был настолько чистым и колючим, что первые секунды Антон не мог вдохнуть. Потом легкие привыкли, и он ощутил вкус — свежести, холода и какой-то незнакомой, древесной горечи. Небо здесь было не серым куполом, а бесконечно высоким, бледно-голубым пространством.

В здании аэропорта, больше похожем на автовокзал рай-

онного центра, его уже ждал водитель на выдавшем виды «Уазике».

— Белянский? На перевалочную? Погружайся.

Дорога до вертодрома заняла сорок минут по ухабистой грунтовке. Антон молча смотрел в окно. Деревянные дома, покосившиеся заборы, люди в тяжелых, нелепых с городской точки зрения одеждах. Собаки, не лающие, а только провожающие машину тяжелыми взглядами. И везде — снег. Не пушистый, а плотный, слежавшийся, грязноватый по краям дорог, но все еще царствующий.

Вертодром был прост: заснеженное поле, пара ангаров из профлиста и желтый вертолет Ми-8 с работающими двигателями, лопасти которого медленно вращались, взбивая снежную пыль. Воздух дрожал от гула.

Водитель указал на двух человек у вертолета.

— Вон твои попутчики. Спроси, куда садиться.

Антон подошел. Один, коренастый, в ушанке и спецовке, кивнул ему.

— На «Зимовье»? Забрасываем тебя и груз. Садись в кабину, с пилотами. Мы с Федором в грузовой.

В салоне вертолета пахло бензином, машинным маслом и холодным металлом. Антон пристегнулся на узком откидном сиденье за спинами летчиков. Пилот, мужчина лет пя-

тидесяти с усталым лицом, обернулся.

— Герой наш? На вахту? Держись, браток, сейчас потрясет. До базы дяди Коли час двадцать. Там тебя он встретит. Если, конечно, не ушел в запой. Шучу. Колька — золото.

Вертолет вздрогнул, завыл на высокой ноте и оторвался от земли. Вибрация была такой, что у Антона задребезжали зубы. Он впился пальцами в сиденье, глядя в круглое окно. Земля ушла вниз, превратившись в бело-серое лоскутное одеяло, прошитое черными нитями рек и просек. Лес внизу казался щеткой из зеленых и бурых иголок. Бескрайняя, безжалостная красота, в которой не было места человеку. Только сейчас, вися в гуле над этой бездной, Антон понял весь масштаб своего безумия. Отсюда не сбежишь. Отсюда не позвонишь. Отсюда можно только упасть.

Он закрыл глаза. Внутри было ледяное, ясное понимание: точка невозврата пройдена. Мосты сожжены. Клетка осталась там, далеко, в теплом, безопасном мире. А он был здесь. В гуле вертолета, в запахе железа, в сердце бескрайней тайги.

Он открыл глаза и снова посмотрел вниз. И вдруг, сквозь гул, сквозь вибрацию, сквозь леденящий ужас, к нему пробилось другое чувство. Крошечное, как первый росток сквозь асфальт. Чувство, которое он не мог назвать. Но оно было чистым. Настоящим. Как удар холодного воздуха в лицо на выходе из самолета.

Вертолет кренился, начиная снижение. Впереди, на опуш-

ке у подножия темного, поросшего елями хребта, появилось несколько строений. Домики, будка, сложенные в штабеля бревна. Крошечный островок человеческого присутствия в океане дикой природы.

«База дяди Коли», — прошептал про себя Антон, и его губы сами сложились в гримасу, похожую на улыбку. Страшную и решительную.

Вертолет пошел на посадку, взбивая снежную бурю. Антон увидел, как из самого большого домика вышел человек, закутанный в тулуп, и помахал рукой.

Приземление было мягким. Пилот обернулся, крикнул сквозь гул:

— Ну, браток, прибыл! Удачи тебе! Не замерзни!

Антон отстегнулся. Его ноги, ватные от долгого сидения, подкосились, когда он спрыгнул на плотный, хрустящий снег. Холод ударил через тонкие ботинки. Он поднял голову.

Человек в тулупе подошел к нему, протягивая руку в огромной варежке. Лицо его было изрезано морщинами, как старый пенёк, но глаза смотрели ясно и внимательно.

— Антон, значит? Дима звонил, говорил. Добро пожаловать на перевалочный пункт «Веселый». Я — Коля. Дядя Коля для всех.

Его рукопожатие было твердым, теплым и очень сильным. Антон, все еще оглушенный грохотом, кивнул.

— Антон. Здравствуйте.

— Брось «вы», — Дядя Коля махнул рукой. — Тут все на «ты». И здравствуй, раз приехал. Пойдем в избу, чайку налью, отогреешься. А то с лица — как снег.

Он повернулся и пошел к дому, не оглядываясь, уверенный, что Антон пойдет за ним. Антон взял свой рюкзак, бросил последний взгляд на вертолет, который, разгрузив несколько ящиков, уже набирал обороты, готовясь к взлету. Лопасты завертелись быстрее, поднимая вихрь снега. Через минуту желтая машина оторвалась от земли, взмыла в небо и, сделав круг, растворилась в бледной дымке.

Гул стих. Наступила тишина. Не городская, не квартирная. А абсолютная, давящая тишина тайги, нарушаемая лишь далеким криком птицы и скрипом снега под его собственными ногами.

Он остался один. Вернее, с незнакомым стариком на краю света.

Впервые в жизни Антон Белянский ощутил настоящую, физическую границу между «до» и «после». Она прошла не в кабинете кадровика, не у грязной лужи, не в самолете. Она прошла здесь, на этом заснеженном пяточке, когда гул вертолета — последняя нить к старому миру — смолк, и его поглотило молчание вечной зимы.

Он вздохнул, и его дыхание вырвалось густым белым облаком. Потом поднял голову, посмотрел на низкое, свинцо-

вое небо, на темную стену леса, и пошел следом за дядей Колей в теплый, тускло светящийся в сумерках квадрат окна.

Дверь в избу была низкой. Пришлось наклониться. Пройдя порог, Антон остановился, ослепленный сумраком и запахом.

После стерильной чистоты его квартиры воздух здесь был насыщенный, почти осязаемый. Пахло древесной золой из огромной, черной от копоти печи-голландки, топленным молоком, сушеными травами, висящими пучками у потолка, старым деревом и кожей. Пахло жизнью, настоящей на долгом времени, не выветренной, а впитавшейся в стены.

Изба была неказистой, но просторной. Бревенчатые стены, темные от времени и дыма, пол из толстых, неровных плах, просевший посередине. У печи — чугунная лежанка, застеленная оленьей шкурой. Стол, грубо сколоченный из толстых досок, лавки вдоль стен. На полках — немудреные припасы в банках, инструменты, кастрюли, самовар. На стене висели календарь трехлетней давности, фотография какого-то военного корабля и ружье — старое, но ухоженное. Было на удивление чисто, по-мужски аккуратно.

— Скидывай обувь, давай портянки сухие, — сказал Дядя Коля, уже подходя к печи с огромным, закопченным чайником. — У нас тут первое правило: ноги в тепле держать. Промочишь — все, конец.

Антон послушно снял модные, но уже промерзшие ботинки. Его носки были влажными. Он поспешно вытащил из

рюкзака запасные, толстые шерстяные, и с наслаждением натянул их на окоченевшие пальцы ног. Дядя Коля наблюдал за ним с легкой усмешкой.

— Городской, сразу видать. Ботинки, как у космонавта, а ноги мокрые. Ничего, научишься.

Он поставил на стол две жестяные кружки, налил темно-го, как деготь, чая из заварного чайника. Потом достал из печи чугунок, откуда повалил душистый пар, и шлепнул на тарелку перед Антоном огромную, дымящуюся картофелину в мундире и кусок соленой рыбы.

— Ешь. Дорога — не боковая. Сам вчера настругал.

«Настругал» — Антон позже узнает, что это значит «наловил сетями». Он молча взял картошку. Она обожгла пальцы, но не бросил. Горячее, простое, грубое кушанье после бутербродов и кофе из аэропорта показалось пищей богов. Он ел жадно, неловко обжигаясь, чувствуя, как тепло растекается по телу.

Дядя Коля сидел напротив, пил чай, причмокивая, и изучал гостя, без навязчивости, но очень внимательно. Его глаза, маленькие, глубоко посаженные, были похожи на блестящие бусинки — острые и всевидящие.

— Дима сказывал, ты с завода, начальником был, — начал он наконец. — И что ж тебя, такого важного, к нам, в медвежий угол, понесло?

Вопрос был прямым, без обиняков. Антон отложил картошку, вытер губы. Что сказать? Про лебедя? Про пустоту?

Про то, что он сбежал?

— Надоело, — сказал он честно, и это прозвучало глубже и правдивее любого длинного объяснения.

Дядя Коля кивнул, как будто это был самый естественный ответ в мире.

— Понимаю. Оно, бывает, надоедает. Особенно когда все есть, а радости — нет. У меня, к примеру, наоборот было. Во всем отказано было, а вот радость... потом нашлась. Здесь. Он помолчал, попивая чай.

— А работа тут простая, но честная. Приборы посмотреть, журнал заполнить, за дровами-водой следить. И за «Шишигой» — это наш «трактор-вездеход» в сарае стоит. Надо бы движок починить, я уж начал, да рука, старая, подвела. Со сцеплением беда. Думал, справлюсь к твоему приезду, а нет. Вместе доделаем.

Антон кивнул. «Шишига». Сцепление. Слова из другого мира. Но они звучали здесь конкретно и весомо. Это была не абстрактная «ответственность», а конкретная задача: починить, чтобы ехать. Понятно. Осязаемо.

— А что за история с... консервацией станции?

— А, это. Станция «Зимовье» за перевалом. Лет двадцать как автоматическая стоит, данные по спутнику шли. Но техника старая, спутник поменяли, а она на новый не переучи-

лась. Вот и встала. Надо демонтировать, что ценно, журналы архивные вывезти. Месяца четыре работы. А потом, глядишь, и новую поставят, или не поставят. — Дядя Коля пожал плечами. — У нас тут не спешат.

Выпив чай, дядя Коля показал Антону, где он будет спать — на широкой скамье за печкой, где было сухо и тепло. Потом вывел его во двор, коротко, как командир, объяснив устройство своей маленькой империи: дровяник, колодец с журавлем «лед еще держится, но прорубь есть», баня «протоплю в субботу, отмоешься с дороги», сарай с той самой «Шишигой» — старым ГАЗ-66 на огромных колесах, похожим на доисторического жука. И, наконец, уборная — маленький скрипучий домик в конце тропинки, над глубокой ямой.

— Вот и весь курорт, — резюмировал Дядя Коля. — Связь — спутниковый телефон в избе, раз в день центр на связь выходит. Рация есть, но дальше леса не бьет. Мобилы тут — железяки бесполезные.

Они вернулись в избу. Темнело быстро, почти стремительно. Дядя Коля зажег керосиновую лампу, и мягкий, колеблющийся свет озарил бревенчатые стены, превратив их в живые, дышащие поверхности. Тени плясали в углах.

Антон достал ноутбук, подключил его к портативному роутеру. Иконки сетей не было. Ни одной. Только надпись: «Нет доступных подключений». Он посмотрел на спутниковый телефон — здоровенный, неуклюжий аппарат на отдель-

ном столике. Связь была. Но она была не для блага, не для соцсетей. Она была для «жив-здоров» и «нужна эвакуация».

Он закрыл ноутбук. Первый раз за много лет он оказался в полной информационной изоляции. Не было новостей, нет соцсетей, нет почты. Была только эта изба, этот старик, печка и завывающий за стенами ветер.

— Тебе, гляжу, непривычно без телевизора-то, — заметил Дядя Коля, снова усевшись у стола и доставая какую-то потертую книгу. — Ничего. Первую неделю душа чешется, а потом отпускает. Тут главное — свои мысли научиться слушать. Они, порою, поинтереснее любых сериалов бывают.

Антон сел на лавку у печи, прислушиваясь к потрескиванию поленьев. Свои мысли... Он боялся своих мыслей. Они были как темный лес за окном — неизвестные, полные скрытых угроз.

— Дядя Коля, а вы как сюда попали? — осторожно спросил он.

Старик отложил книгу, взглянул на него, и в его глазах мелькнуло что-то неуловимое.

— Длинная история, сынок. Я тут, можно сказать, с прошлой жизни остался. По молодости горячки нахватался, в местах не столь отдаленных побывал. А выйдя, понял, что назад дороги нет. Город меня не ждал. А тут, на севере, душа оттаяла. Сначала вахтовиком, потом сторожем... Да так и остался. Сорок лет уже тут. — Он помолчал. — Людям

я, может, и не нужен. А тайге — да. Она ничего не просит, только чтобы не мусорили да огня по пьяни не разводили. А я ей нужен, чтобы печку топить да за порядком смотреть. Честный договор.

«Честный договор». Антон смотрел на этого человека, на его грубые, исковерканные работой руки, на спокойное лицо. У него не было квартиры с евроремонтом. Не было машины бизнес-класса. Не было карьеры. Но в нем была какая-то ужасающая, монолитная цельность. Он был на своем месте. Знал, зачем живет.

Ветер усилился, завывая в трубе и швыряя горсти снега в стекло маленького окна. Антон подошел к нему, прижал лоб к холодному стеклу. Снаружи была крошечная тьма. Ни одного огонька. Только бескрайняя, черная пустота. Он никогда в жизни не видел такой темноты. Она была живой, , словно материальной.

В этой темноте, глядя на свое отражение в стекле — бледное лицо с широко открытыми глазами, — он вдруг осознал всю глубину своего одиночества. Оно было не социальным, не душевным. Оно было философским. Он был песчинкой, заброшенной в бесконечную, равнодушную вселенную холода и тишины. Тут не перед кем было носить маску. Не для кого было играть роль успешного менеджера. Здесь он был просто человеком. Голым, незащищенным, одиноким существом у огня на краю ночного мира.

И от этого осознания его вдруг пронзила странная, почти

мистическая ясность. Всю свою жизнь он боялся оказаться никем. А здесь, в этой точке абсолютного нигде, он впервые почувствовал, что быть «ником» — это, возможно, и значит быть собой. Без титулов, без статусов, без масок.

— Холодно от окна отходит, печку выстудишь, — раздался сзади спокойный голос Дяди Коли. — Ложись-ка спать. Завтра рано вставать. Будем «Шишигу» лечить. А то зря, что ли, тебя сюда заслали, инженер.

Антон оторвался от окна. Его отражение в стекле дрогнуло и расплылось.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Ложимся.

Антон лег на жесткие полаты, укрылся тяжелым, пахнущим дымом и сеном одеялом. Дядя Коля задул лампу. В избе остались только красные отсветы от открытой печной дверцы и густой, теплый мрак. Антон лежал, глядя в потолок, где плясали огненные блики, и слушал. Слушал равномерное, мощное дыхание старого человека с другой стороны печи. Слушал вой ветра — одинокий, бесконечный, древний голос тайги. Слушал тиканье своих собственных часов на запястье — последний, крошечный ритм прежней, упорядоченной жизни, который скоро сольется с тишиной и забудется.

Он закрыл глаза. Внутри не было ни мыслей, ни страхов. Была только эта новая, огромная реальность, которая медленно обволакивала его, как морозный воздух. Он был здесь.

Точно здесь. И другого места у него не было.

Перед самым сном вспомнил слова стюарда: «Грусть замерзает внутри и потом не оттаивает». И подумал, что, может быть, это и не так уж плохо. Может быть, в этом морозе она, наконец, замрет и перестанет ныть — превратится в молчаливый, твердый кристалл где-то на дне души. А сверху уже можно будет нарастить что-то новое. Что-то настоящее.

С этим ощущением ледяной, но чистой ясности он и провалился в глубокий, черный, без сновидений сон человека, дошедшего до края.

Глава 5. Железный пациент и хриплый монах

Рассвет в тайге не наступал — он прокрадывался. Сначала чернота за окном чуть посерела, стала менее плотной. Потом в щели просочился тусклый, водянистый свет. Антон проснулся от непривычной тишины — ветер стих, и в избе стояла полная, тишь, нарушаемая только храпом дяди Коли и потрескиванием остывающей печи.

Антон лежал, не двигаясь, пытаясь сообразить, где он. Пахло дымом, кожей и чем-то кисловатым — квашеной капустой, как он позже узнает. Потолок из темных, шершавых балок был вплотную над головой. Реальность навалилась на него всей своей тяжелой, неопровержимой массой. Он не в своей квартире. Он в глухой тайге. Навсегда? Нет, не навсегда. На вахту. На полтора месяца.

«Вахта». Слово звучало странно, как приговор с отсрочкой.

Дядя Коля зашевелился, кряхтя, спустил ноги с лежанки.

— Опа, уже светает. Вставай, сынок, день недолог. Самовар поставим, позавтракаем, и за работу.

Работа. Это слово тоже обрело новый смысл. Не составление отчетов, не планёрки. А «за работу». Как в старых книгах.

Завтрак был таким же простым и сытным, как ужин: каша из дробленой крупы на воде, но с большим куском масла, и снова чай. Дядя Колин чай был густым, горьковатым, от него во рту оставался терпкий, древесный привкус. Антон выпил две кружки, чувствуя, как напиток разливается теплом по промерзшим за ночь сосудам.

— Ну что, инженер, покажу тебе нашего железного коня? — Дядя Коля подмигнул, и в его морщинистом лице на миг мелькнула озорная искорка. — Готовься, зверь норовистый.

Сарай оказался холодным, темным помещением, пахнущим ржавчиной, мазутом и прелью. И в самом его центре, под грубым большим брезентовым чехлом, скрывалось нечто, напоминающее допотопное чудовище.

Дядя Коля сдернул чехол с хрипом, подняв облако пыли. Перед Антоном предстал ГАЗ-66. «Шишига». Она была больше и угловатее, чем он представлял. Высокая, на огромных, почти по шею, колесах с грубым протектором. Кабина

— простая стальная коробка. Кузов с деревянными бортами. Краска, когда-то защитного цвета, облезла, обнажив рыжие подтеки ржавчины. Машина выглядела не просто старой — она выглядела выношенной, выстраданной, как старый солдат после долгой войны.

— Красавица, правда? — с неподдельной нежностью в голосе произнес дядя Коля, похлопывая по холодной кабине. — Семьдесят третьего года рождения. Служила в геологии, потом к нам списана была. Километров, как звезд на небе. Но душа у нее добрая. Только вот... — он вздохнул, — душа-то есть, а вот здоровье пошатнулось. Сцепление, понимаешь, гудит, как раненый лось. Я разобрал, диск вижу — убитый в хлам. Новый заказал, его вертолетом в прошлый раз должны были доставить. Нашел я его вон, в том ящике. — Он кивнул на деревянный ящик в углу. — А вот собрать... Рука, старая, не слушается как надо. Дрожит. А там точность нужна. Плюс маховик подшлифовать надо, выработка. Вот и ждал тебя, как мессию.

Антон смотрел на груды железок, разложенных на чистой тряпке рядом с машиной, на большой, похожий на черный блин диск сцепления, на набор гаечных ключей, отвёрток, странных приспособлений. Паника, холодная и тошная, подкатила к горлу. Он разбирал отчеты, строил графики, но последний раз держал в руках гаечный ключ, наверное, в школьные годы, собирая табуретку на уроках труда.

— Я... я не механик, дядя Коля, — честно признался он.

— Я в этом ничего не понимаю.

— А кто ж понимает-то с рождения? — флегматично ответил старик. — Все когда-то учились. У тебя голова на плечах есть? Глаза? Руки целы? Вот и славно. Я буду говорить, ты — делать. Главное — не торопись и не бойся. Железо оно, брат, чувствует, когда его боятся. Наглеет сразу.

И начался урок.

День слился в одно долгое, напряженное действие. Дядя Коля, сидя на перевернутом ведре, курил самокрутку и отдавал команды тихим, спокойным голосом, как хирург ассистенту, а между строк звучала мудрость местной жизни.

— Так. Бери вон тот ключ на семнадцать. Откручивай эту гайку. Да не тяни, она прикипела, постучи молотком по ключу. Аккуратней. Видишь шлицы? Их совместить надо.

Антон ползал под машиной, над машиной, внутри кабины. Руки быстро покрылись солидолом, ржавчиной и мелкими ссадинами. Он уронил шайбу в лужу мазута, перепутал болты, с трудом откручивал прикипевшие соединения. Каждый раз, когда что-то шло не так, он ждал окрика, раздражения. Но дядя Коля только хмыкал, сплевывал и говорил: «Бывает. Ищи, она где-то тут. Ничего от машины не отваливается, просто прячется».

Мастерская, примитивная и закопченная, стала для Антоны храмом новой веры. Здесь были другие законы. Не социальные, а физические. Тут нельзя было договориться, про-

известить впечатление, списать на обстоятельства. Либо болт откручивался, либо нет. Либо рычаг поддавался, либо его клинило. Здесь была честность. Жестокая и простая.

К полудню Антон был весь в грязи, потный, с ноющей спиной. Но когда старый диск наконец был снят, а новый, пахнущий свежей резиной и металлом, аккуратно водружен на место, он испытал дикую, первобытную радость. Маленькая победа. Но его победа. Его руками.

— Молодец, — констатировал дядя Коля, кивая. — Теперь маховик. Надо снять, отшлифовать выработку. Задача посерьезнее.

Они пообедали на скорую руку — холодной солониной с хлебом прямо в сарае, запивая чаем из общего, закопченного чайника. Антон ел, не замечая вкуса, его мозг был все еще там, внутри механизма, с муфтами, подшипниками и осевыми зазорами.

После обеда работа продолжилась. Снятие маховика оказалось адской задачкой. Нужно было блокировать коленвал, откручивать центральную гайку, которая сидела, казалось, намертво. Антон, обливаясь потом, бил по ключу огромным молотком, который едва мог поднять. Гайка не поддавалась.

— Сильнее! — спокойно говорил Дядя Коля. — Не бойся, она железная, не сломаешь. Бей с дури!

И Антон бил. Отчаяние и злость придавали ему сил. Он бил по тому, что не откручивалось. По своему страху. По своей беспомощности. По всей своей прошлой, правильной

и бессмысленной жизни. Каждый удар молота по стали отдавался в костях и, странным образом, приносил облегчение.

С треском и скрежетом гайка поддалась.

— ВОТ! — закричал Антон не своим голосом, и эхо прокатилось по сараю.

Дядя Коля усмехнулся.

— Ну, понесло тебя. Теперь тащи маховик. Осторожно, тяжеленный.

Маховик — массивный диск — они сняли вдвоем. Потом Дядя Коля показал, как на самодельном станке — просто двигатель с наждачным кругом — аккуратно снять тончайший слой металла, чтобы выровнять поверхность. Искры летели во все стороны, освещая сосредоточенное лицо старика.

— Видишь, какая красота? — говорил он, словно поэт. — Металл поет. Чувствуешь? Это он свою новую жизнь чувствует.

К вечеру маховик был отшлифован и установлен обратно. Новый диск сцепления стоял на месте. Оставалось собрать все в обратном порядке. Антон, к своему удивлению, уже начал понимать логику этого железного организма. Он не просто выполнял команды — он начал видеть связи, предугадывать следующие шаги.

Когда последняя гайка была затянута, и они отползли из-под машины, уже смеркалось. Антон сел на ящик, вытирая

пот и грязь с лица рукавом. Он был измотан так, как не был измотан никогда, даже после самых напряженных авралов на заводе. Но эта усталость была другой — чистой, мышечной, без нервного осадка.

— Завтра рано утром попробуем завести, — сказал дядя Коля, закуривая. — Если не завоет — значит, наше дело правое. А теперь, инженер, бегом в баню. Отмоешься. Ты сейчас, как черт из преисподней.

Баня, маленькая, темная избушка рядом с домом, стала вторым откровением этого дня. Дядя Коля истопил ее по-черному. Жар был таким, что Антону казалось, он сгорит заживо. Потом старик, совсем как в ритуале, поддал пару, хлестнув ковшом воды на раскаленные камни. Обжигающее, влажное облако ударило в грудь, вышибая остатки воздуха. Антон закричал — не от боли, а от восторга и шока. Потом они выбежали на морозный воздух и повалились в сугроб, задыхаясь и смеясь, как дети. Холод обжег кожу ледяными иглами, а потом тело налилось таким благодатным, глубинным теплом, какого Антон не чувствовал, кажется, никогда.

Лежа в сугробе и глядя на черное, усыпанное невероятно яркими звездами небо, он думал о странности этого дня. Он ничего не продал, ни с кем не договорился, не составил ни одного отчета. Он просто ремонтировал машину. И это было самым важным делом в мире. Потому что от этого зависело, сможет ли он добраться до своей станции. Его жизнь, его цель свелись к простой механической задаче. И в этой

простоте была свобода.

Позже, уже в чистой одежде, сидя у печи с кружкой чая, он спросил.

— Дядя Коля, а почему вы тут один живете? Не тянет к людям?

Старик долго молчал, смотря на огонь.

— Тянет, сынок. Иногда — дико тянет. Особенно по весне. Но я свой срок отсидел среди людей. И в тюрьме, и на воле. Нагляделся. А тут... я не один. Тут звери, птицы, лес, небо. Они честнее. Волк никогда не подсидит, чтобы твою должность занять. Медведь не насплетничает за спиной. Сова не будет улыбаться в лицо, а за глаза гадить. У них свои законы. Жесткие, но справедливые. Я их принял. — Он взглянул на Антона. — А ты что ищешь тут? Тишины? Правды?

— Не знаю, — честно ответил Антон. — Может, и того, и другого.

— Ну, ищи. Тут ее, правды-то, много. Она на виду. Как этот маховик. Надо только начистить, чтобы блестела.

Антон кивнул. Позже он достал ноутбук, открыл его. Значок сети по-прежнему не появлялся. Но теперь это его не бесило. Он открыл файл

«Дневник с края света. День» и начал печатать.

«День первый (или второй? время тут странное).

Сегодня я ремонтировал грузовик. Это звучит смешно

для того, кто меня знает. Но это было самое важное, что я делал за последние годы. Я бил кувалдой по железу, и это было похоже на молитву. Я грязный, уставший, и у меня болят руки. Но внутри — тишина. Не пустая. А полная. Как после хорошей работы.

Старик, который живет здесь, говорит, что железо чувствует страх. Думаю, он прав. Я боялся этой машины утром. А сейчас... сейчас я почти люблю ее. Завтра мы ее заведем. А может, не заведем. Но это уже не так страшно.

Здесь нет интернета. И, кажется, он мне больше не нужен».

Он сохранил файл и закрыл крышку ноутбука. Связь с миром оказалась ненужной. Важнее была связь с этим местом, с этой работой, с этим старым человеком, который учил его не бояться железа.

Дядя Коля уже спал, посапывая за печкой. Антон еще немного посидел у огня, слушая тиканье часов и далекий, одинокий крик ночной птицы. Его руки, лежащие на коленях, были в царапинах и ссадинах. Он смотрел на них, и ему казалось, что это руки другого человека. Более настоящего.

Он погасил лампу и полез на полати. Перед сном он подумал о «Шишиге». О ее старом, изношенном сердце-двигателе, который завтра должен был ожить. И почувствовал странную ответственность. Не перед начальством, не перед

акционерами. Перед машиной. Перед этим железным конем, который должен был нести его через тайгу к его одиночеству.

Это была честная ответственность. И в ней, кажется и скрывался потерянный много лет назад смысл.

Глава 6. Звон в темноте и путь в никуда

Они попытались завести «Шишигу» на рассвете. Воздух был колючим и прозрачным, инеем серебрились ветви елей вокруг базы. Дядя Коля сел за руль, Антон занял место пассажира, нервно сжимая в руках фонарь.

Старик несколько раз качнул рукоятку подкачки топлива, потом повернул ключ зажигания. Стартер взвыл протяжно и безответно. Мотор даже не кашлянул.

— Холодно ему, старому, — хмыкнул дядя Коля. — По-
дождем, пока солнце пригреет.

Они завтракали, прислушиваясь к тишине, которая казалась теперь немного обманутой — ждали, что ее нарушит рёв мотора. Через час попытку повторили. Снова стартер, снова тишина. На третий раз мотор схватился, чихнул клубом сизого дыма, проработал секунд десять с диким, стучащим кашлем и заглох.

— Не хочет, — констатировал дядя Коля, вылезая из кабины. Лицо его было серьезным. — Не только в сцеплении дело. Что-то глубже. То ли форсунки, то ли компрессия.

Без нормальной диагностики не разобраться. А диагностики тут... — он развел руками.

Антон почувствовал, как у него в животе похолодело. Их план, такой простой и понятный: починить машину, добрать-ся до станции — трещал по швам.

— И что делать?

— Ждать, — просто сказал старик. — Связь днем. Доложу наверх. Может, детали пришлют. Может, механика. А пока — живем. Дрова руби, воду таскай, приборы смотри. Работы хватит.

День пошел по новому, вынужденному ритму. Антон рубил дрова — неумело, сбивая щепки, но с каждым ударом топора чувствуя, как его движения становятся увереннее. Носил воду из проруби на коромысле — сначала расплескивал половину, замочив ноги, потом приноровился. Он заполнял журналы метеонаблюдений по старым, пожелтевшим от времени приборам — термометру в будке, барометру-анероиду, флюгеру. Цифры, которые он аккуратно вносил в графы, теперь обретали смысл: от них зависела не абстрактная «отчетность», а реальная погода здесь и сейчас.

После обеда, когда Антон колол лед на тропинке, из избы его окликнул дядя Коля.

— Связь! К тебе!

Оказалось, связь — это сеанс по спутниковому телефону. Голос из динамика был далеким, искаженным, но четким.

— База «Веселый», прием. Как обстановка? Прибыл новый?

Дядя Коля доложил. Про Антона, про неисправную машину. В трубке что-то пробурчали.

— Понял. Детали и механика — не ранее чем через две недели, следующий вертолет по плану. Антон Белянский, вы меня слышите?

— Да, — отозвался Антон, наклонившись к громкой связи.

— Ваша задача — поддерживать порядок на базе и готовиться к переходу на станцию «Зимовье». Как только транспорт будет исправлен — выдвигаетесь. Пока изучайте местность, помогайте Николаю. Вопросы?

Вопросов не было. Было только понимание: ловушка захлопнулась. На две недели минимум он заперт здесь.

Вечером дядя Коля выглядел устатее обычного. Он меньше говорил, больше сидел у печки, прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Коль, что-то не так? — осторожно спросил Антон, когда старик отказался от ужина, отпив только чаю.

— Да так... кости ломит. Давленье, видать, скачет. Погода меняется. К ненастью всегда. Ничего, пройдет.

Но к утру не прошло. Антон проснулся от тяжелого, хриплого дыхания. Дядя Коля лежал на лежанке, лицо его было серым, землистым, на лбу выступила испарина. Он пытался встать, но рука не слушалась, опора подкосилась.

— Антон... — просипел он. — Плохо мне...

Паника ударила в виски, холодная и липкая. Антон бросился к спутниковому телефону. Связь! Когда следующий сеанс? Только через двенадцать часов! Он набрал номер экстренной службы, который был написан на корпусе аппарата. Долгие гудки. Потом женский голос.

— Служба медицины катастроф, слушаю вас.

Он, сбиваясь, выпалил координаты, симптомы.

— Понимаю. Санборт можно поднять, но погода в вашем районе ухудшается, окно возможное — сегодня в течение трех часов. Если успеем — эвакуируем. Готовьте пострадавшего. Ждите звонка.

Три часа. Антон положил трубку и подбежал к Дяде Коле. Тот был в сознании, но слабым.

— Слышал... Вертолет... Готовь меня... В рюкзак... документы, в верхнем ящике... и вот это... — он слабо ткнул пальцем в маленькую, затертую иконку, висевшую на гвоздике у изголовья. — Остальное... твое. Держись, сынок... Тайга... не прощает слабину...

Антон, дрожащими руками, собрал нехитрый скарб старика в рюкзак: паспорт, военный билет, несколько писем в конвертах, иконку. Потом он натянул на дядю Колю валенки, тулуп, шапку, превратив его в неподвижный, тяжелый сверток. Сам он был в одном свитере, но не чувствовал холода — адреналин гнал кровь вихрем.

Он вытащил старика на улицу, усадил на грубые нарты у крыльца, укутал одеялами. Небо затянулось плотной, низкой пеленой, падал редкий, колкий снежок. Ветер усиливался. Три часа. Они успеют?

Антон вернулся в избу, схватил рацию, попытался что-то сказать, но в ответ было только шипение. Связь пропала вместе с ясной погодой.

Оставалось ждать. Он сидел на крыльце рядом с дядей Колей, держа его за руку — холодную, безжизненную. Старик то приходил в себя, бормотал что-то несвязное про тайгу, про долг, то снова проваливался в забытие. Антон смотрел на него и думал о том, как нелепо и страшно умирать здесь,

в глуши, от чего-то вроде инсульта, когда в городе тебя бы уже везли на скорой по освещенным улицам.

Через два с половиной часа в небе послышался отдаленный, нарастающий гул. Антон вскочил, замахал руками, хотя это было бессмысленно. Из серой пелены вынырнул вертолет санитарной авиации — Ми-8, белый, с красным крестом. Он сделал круг над поляной, сбросил скорость и пошел на посадку, поднимая вихрь снежной пыли.

Из кабины выскочили двое в комбинезонах с врачом. Быстро, профессионально, почти не глядя на Антона, они погрузили Дядю Колю на носилки, втащили в салон.

— Вы с ним? — крикнул врач, перекрывая шум винтов.

— Нет! Я остаюсь!

— Понял! Вам тут передали. На базе продовольствия на недели две Нового зрителя ждите через три недели, не ранее! Держитесь!

Люди запрыгнули в вертолет. Дверь захлопнулась. Винты набрали обороты. Машина оторвалась от земли, качнулась на ветру и, набирая высоту, растворилась в сплошной серой мгле так же внезапно, как и появилась.

Гул стих. Тишина вернулась, но теперь она была враждебной, давящей. Антон остался один. Совершенно один. На этой крошечной базе, в трехстах километрах от ближайшего

жилья, с неисправным транспортом, в наступающей снежной мгле.

Он стоял посреди пустой поляны, и ветер завывал в ушах, забираясь под одежду. Снег падал чаще, превращаясь в плотную пелену. Он оглянулся. Изба. Сарай с мертвой «Шишигой». Колодец. Бесконечная, серая стена леса.

Он был отрезан. На три недели. Мир, цивилизация, помощь — все это исчезло вместе с гудящей точкой в небе.

Первым ощущением была паника. Дикая, животная, требовавшая бежать куда глаза глядят. Но бежать было некуда. Лес? Он умрет там в первый же день. Оставалось одно: идти в избу. Пережить этот момент. Пережить следующий.

Антон заставил себя двинуться с места. Ноги были ватными. Он вошел в избу. Теперь она была только его. Тихой, пустой, полной теней дяди Коли. Печка еще хранила тепло. На столе стояла его недопитая кружка чая.

Антон сел на лавку у печи, сжал голову руками. Дрожь била его мелкой, неконтролируемой дрожью. Он был один. По-настоящему. Без спасительного телефона, без друзей за углом, без такси под окном. Его жизнь теперь зависела от того, хватит ли дров, не кончится ли еда.

Он просидел так, может, час. Потом поднял голову. Взгляд упал на рюкзак Дяди Коли, который он в спешке бросил на пол. Рядом валялась его собственная сумка с ноутбуком.

Ноутбук.

Мысль прорезала оцепенение. Связи нет. Но можно писать. За документировать этот крах. Оставить свидетельство или просто не сойти с ума.

Он подошел к столу, достал ноутбук, подключил его к пауэрбанку. Открыл файл «Дневник». Под последней записью начал новую.

Пальцы дрожали, он делал опечатки, стирал, писал снова.
«День... не знаю какой. Черт, я же не считаю дни.

Дяди Коли нет. Его увез санитарный вертолет. У него, кажется, инсульт.

Я остался один. Совершенно один. Вертолет улетел, сказали: жди три недели.

Машина сломана. Связь только раз в сутки по расписанию. Еды, говорят, на пару недель. Но я не умею... я не знаю...

За окном начинает завывать метель. Я никогда не видел настоящей метели. В городе это просто снегопад.

Я боюсь. Боюсь тишины. Боюсь темноты. Боюсь, что печь потухнет. Боюсь, что кончатся спички.

Я как тот лебедь. Только помощи ждать неоткуда, но я

справлю, должен справиться».

Он остановился, перечитал. Это был крик. Крик в никуда. Но сам факт того, что он это записал, как-то оформил хаос внутри, принес небольшое, но осязаемое облегчение. Паника отступила на шаг, уступив место леденящему, но ясному ужасу. Теперь этот ужас можно было разложить по пунктам. С ним можно было работать.

Антон встал, подошел к окну. Метель разыгрывалась не на шутку. Видимость упала до десятка метров. Лес превратился в размытое серое пятно. Но в избе было еще тепло. Еда была. Крыша над головой была.

«Держись, сынок... Тайга не прощает слабину...»

Слова дяди Коли прозвучали в памяти четко. Он не сказал «беги» или «спасайся». Он сказал «держись».

Антон глубоко вдохнул. Пахло дымом, хлебом и одиночеством.

— Ладно, — сказал он вслух, и его голос прозвучал хрипло, но твердо в тишине избы. — Раз так, то так. Начнем с дров.

Он надел тулуп дяди Коли — он был велик, пах стариком и дымом, но держал тепло. Вышел в сени, взял топор. Дров во дворе было навалено достаточно, но их нужно было поколоть и занести. С каждым ударом злость и страх преобразовывались в энергию. Он представлял себе эту ситуацию, свою беспомощность, этот проклятый сломавшийся грузо-

вик — и рубил. Щепки летели во все стороны.

Наколов охапку, он затащил дрова в сени, потом в избю. Затопил печь по примеру Дяди Коли — не сразу много, а постепенно, чтобы не перекалить. Проверил запасы: мешочек крупы, мешочек картошки, лук, банки с тушенкой, сгущенка, сухари, соль, чай. Мука. Действительно, на пару недель, если экономно. Воду нужно будет таять из снега, когда прорубь замерзнет окончательно.

Он составил в уме простой план на завтра: утром — проверить приборы, записать данные. Потом — попробовать еще раз разобраться с «Шишигой», вдруг найдет простую причину. Потом — нарезать лед и натаять воды. Вечером — вести дневник.

Это был план. Примитивный, но план. Он давал иллюзию контроля. А иллюзия была лучше, чем ничего.

К вечеру метель бушевала вовсю. Ветер выл в трубе, стучал ставнями, засыпал окно снежной пылью. Но в избе было жарко от печи, пахло вареной картошкой и тушенкой, которую Антон себе приготовил. Он ел медленно, прислушиваясь к вою стихии. Страх не ушел, но он отодвинулся, превратился в фоновый шум, в постоянного, невидимого спутника. С этим можно было жить.

После ужина он снова открыл дневник.

Вечер. Метель.

Я наколов дров. Истопил печь. Приготовил еду. Это зву-

чит как ничего. Но для меня сегодня — это подвиг.

Я один. Но я не бездействую. Пока я действую — я жив.

Дядя Коля сказал, тайга не прощает слабину. Кажется, я начинаю понимать, что это значит. Слабина — это не физическая слабость. Это позволить страху парализовать себя. Перестать рубить дрова. Перестать топить печь.

Я буду рубить дрова. Я буду топить печь.

Завтра попробую еще раз с машиной. А если не получится... буду ждать. Три недели — это не вечность.

Странно, но сейчас, в этой кромешной тьме и воющем ветре, я чувствую себя... спокойнее, чем в своей тихой квартире. Потому что здесь мой страх имеет лицо. Его зовут Метель, Голод, Холод. А в квартире страх был безымянным. И оттого — в тысячу раз страшнее».

Он сохранил файл, закрыл ноутбук. Потом взял со стола ружье дяди Коли, которое старик велел оставить «для порядка». Оно было тяжелым, холодным, чужим. Антон никогда не держал в руках оружия, не считая «воздушки» в тире. Он осторожно проверил, разряжено ли оно, и поставил обратно в угол, но ближе к своей постели. На всякий случай.

Перед сном он вышел на крыльцо, несмотря на метель.

Ветер хлестнул его по лицу ледяными иглами. Темнота была абсолютной, лишь снежная круговерть мерцала в свете, падающем из открытой двери. Он стоял, вглядываясь в эту бушующую черноту, и вдруг почувствовал не страх, а нечто иное. Вызов. Глупый, отчаянный, человеческий вызов стихии.

— Я здесь! — крикнул он в метель, и ветер мгновенно сорвал и унес его слова в ночь. — Я еще здесь!

Антон вернулся в избу, крепко прикрыл дверь.

Ночь после эвакуации Дяди Коли была самой длинной в его жизни. Тишина обрушилась на базу такой тяжестью, будто сам воздух превратился в лед. Антон сидел у печи, обхватив колени руками, и смотрел на огонь. Тени плясали по бревенчатым стенам, и в этом бесконечном, гипнотическом танце они начинали складываться в лица.

Сначала он пытался не думать. Заставил себя встать, подбросить дров, проверить задвижку. Потом сел обратно. Мысли все равно пришли. Они не ворвались с шумом и криком, как можно было ожидать. Они просочились тихо, с черного хода, когда защитные механизмы, державшие их годами на привязи, наконец ослабли от усталости и одиночества. Катя.

Антон даже не сразу понял, что думает о ней. Просто вдруг, в треске полена, ему почудился звук ее смеха — того самого, грудного, чуть хрипловатого, каким она смеялась, когда они смотрели старые комедии по телевизору и она засыпала у него на плече. Он тогда думал: «Какое счастье, что

это мое плечо, что она спит именно на мне». Он не знал, что счастье можно измерять такими простыми вещами.

Вспомнил их первую встречу. Нелепую, на дне рождения общего друга. Она пришла с красным зонтом, хотя дождя не было, и все над ней подшучивали. А она просто сказала: «А мне нравится». Он смотрел на нее тогда и думал: «Какая странная. Какая смешная. Какая красивая». Она поймала его взгляд и улыбнулась — не кокетливо, а открыто, будто приглашая разделить этот абсурдный, солнечный день с зонтом в руках. Он не решился подойти. Ушел домой и всю ночь не спал, прокручивая в голове сценарии знакомства.

Они встретились снова через месяц. В книжном магазине. Он брал техническую литературу, она — сборник стихов Цветаевой. У нее упала сумка, он наклонился поднять, их руки соприкоснулись. Она снова улыбнулась. И он наконец сказал: «Меня Антон зовут». А она ответила: «Я знаю. Ты друг Игоря. Я запомнила».

Господи, как давно это было. Пятнадцать лет. Казалось он забыл эту историю, или заставил себя забыть, потому что помнить было слишком больно.

Поженились через год. Квартира, ремонт, планы. Он тогда работал сутками, строил карьеру, думал, что обеспечивает им будущее. А она ждала его дома. Варила супы, которые он забывал есть. Оставляла записки на холодильнике: «Суп в кастрюле, котлеты на сковороде. Целую». Антон приходил поздно, уставший, молчаливый, и она встречала его,

всегда улыбаясь, всегда готовая выслушать. Но он не рассказывал. Думал: зачем грузить ее своими проблемами? У нее своя жизнь, свои интересы.

Какие у нее были интересы? Вдруг понял, что не знает. То есть знает формально: любила читать, вышивала, ходила на йогу. Но что у нее было внутри? О чем она мечтала? Чего боялась? Он был занят, был начальником отдела, был мужчиной, который должен обеспечивать.

А она — она просто была рядом. Как удобный, красивый предмет интерьера. Как те парусники под стеклом, на которые он смотрел, но не видел.

Последний год их брака она перестала оставлять записки. Заметил это не сразу. Просто однажды открыл холодильник, а там не было привычного стикера с сердечком. Подумал: «Наверное, забыла». На следующий день — опять ничего. Через неделю он спросил: «Ты что, больше не пишешь?» Она посмотрела на него долгим, странным взглядом и сказала: «А ты читал?»

Хотел ответить: «Конечно, читал». И осекся. Потому что понял, что не помнит ни одного слова. Ни одной записки. Видел их краем глаза, автоматически, как рекламные вывески по дороге на работу. Они были просто фоном.

Она не устроила скандала. Не плакала. Просто кивнула и ушла в спальню. Через месяц она сказала, что уходит к другому. К тому, кто не «обеспечивает», а просто сидит рядом, слушает и не читает книги по управлению персоналом перед

сном.

Антон не боролся. Не просил остаться. Просто смотрел, как она собирает вещи, и думал: «Это неправильно. Так не должно быть». Но слова застревали в горле. Гордость? Страх показаться слабым? Или просто он уже тогда, внутри, понимал, что она права, что потерял ее задолго до этого вечера, потерял в тысяче мелочей, в сотнях пропущенных ужинов, в десятках несказанных «как прошел твой день?».

Она ушла в субботу, днем. За окном светило солнце, и он помнил, как оно отражалось от ее сережки — маленькой, с голубым камешком. Он подарил их на восьмую годовщину. Она сказала тогда: «Красивые, но я не ношу такие». Он все равно купил. Она носила. Ради него. Как много она делала ради него.

После ее ухода просто сел за стол и доработал отчет за прошлый квартал. А на следующий день пошел в спортзал. Думал, что справился. Что боль прошла, зарубцевалась, превратилась в легкий шрам, о котором вспоминаешь только когда чешешь.

Здесь, в этой избе, в этом молчаливом лесу, боль вернулась. Не острая, не кинжальная. Другая — глухая, ноющая, как старый перелом к непогоде. Это было сожаление. Не о том, что она ушла. А о том, что он никогда не знал ее по-настоящему. Прожил с человеком десять лет и не удосужился заглянуть ему в душу.

Вспомнил один случай. За год до развода. Она сидела

на подоконнике в их спальне, смотрела на закат и плакала. Тихо, беззвучно. Он вошел, увидел и спросил: «Что случилось?» Она ответила: «Ничего, просто устала». Он поверил. Сказал: «Ложись пораньше». И ушел смотреть новости.

Что на самом деле было у нее тогда? Что болело? Что разрывало ей сердце? Он никогда не узнает. Потому что не спросил.

В избе было холодно. Антон подбросил дров, огонь вспыхнул ярче, тени заматались быстрее. Он смотрел на них и думал: а ведь она пыталась. Господи, как она пыталась. Звала его в театры, на прогулки, просто поговорить. Он отмахивался: «Работа, отчет, совещание». Катя покупала ему подарки — не к праздникам, а просто так. Книгу, которую он упоминал в разговоре. Его любимое печенье. Носки с забавным принтом. Он же принимал это как должное. Не благодарил. Не замечал.

Однажды она приготовила романтический ужин. Свечи, вино, музыка. Он пришел с работы в одиннадцать вечера, злой, уставший, сказал, что не голоден. Ужин остался нетронутым. Наутро она убрала все молча, без упреков. И больше никогда не пыталась.

Почему он вспомнил это именно сейчас? Сидя в глухой тайге, в компании ветра и неработающей машины? Может быть, потому что здесь, в тишине, нечем было заглушить эти воспоминания. Не было работы, не было телевизора, не было друзей, с которыми можно было бы выпить. Был только он

и его совесть.

Он думал о том, что она сейчас делает. Прошло время. Она вышла замуж, кажется. У нее родился ребенок. Девочка. Он видел фото в соцсетях — случайно, пролистывая ленту. Она улыбалась. Счастливая. Настоящая. Такой он ее почти не помнил.

Хорошо, что она ушла. Хорошо, что нашла того, кто не читает новости, когда она плачет. Хорошо, что у нее есть девочка и, наверное, собака, и завтраки по выходным, и разговоры за полночь. Все то, что он не смог ей дать.

Антон злился на себя. На свою слепоту, на свою занятость, на свою дурацкую, бессмысленную гонку за статусом, деньгами, признанием. Ради чего? Ради пустой квартиры и машины, которая сейчас стоит в подземном паркинге, покрываясь пылью?

Он посмотрел на свои руки. Грязные, в ссадинах и мазуте. Этими руками колот дрова и чинил машину. Этими руками держал умирающую птицу. Этими руками он когда-то держал ее лицо, целовал ее губы, гладил ее волосы. Когда это было? В другой жизни.

— Прости меня, — сказал он вслух.

Слова упали в пустоту избы, поглощенные тишиной. Никто не ответил. Катя не могла его услышать. Она была за тысячи километров отсюда, в своем новом, счастливом мире. И он не имел права вторгаться в него даже мыслью.

Но легче не стало. И легче не станет никогда. Он понял

это. Некоторые ошибки нельзя исправить. Некоторых людей нельзя вернуть. Можно только помнить. И стараться больше никогда не повторять.

Он сидел до самого утра, глядя на огонь. Вспоминал ее запах — ваниль и корица, ее привычку кусать губы, когда она волнуется, ее смешной почерк с круглыми буквами. Он вспомнил, как она заплетала волосы перед сном, как поправляла очки на переносице, как шаркала тапками по утрам. Мелочи. Тысячи мелочей, из которых состояла жизнь, которую проморгал.

Открыл ноутбук. Написал письмо. Не для отправки — интернета все равно не было. Просто чтобы выплеснуть накопившееся.

«Катя,

я сейчас на краю света, в тайге. Здесь очень холодно и очень тихо. Я думаю о тебе. Не о нас — о тебе. О том, какая ты была. И какой я тебя не видел.

Я не прошу прощения. Я знаю, что ты давно простила или забыла. Я пишу это для себя. Чтобы помнить. Чтобы в следующий раз, если он будет, не пропустить главное.

Ты была права. Мне всегда было душно в той квартире. Я думал, это комфорт. А это была клетка. И я сам себя в нее запер.

Спасибо тебе за те десять лет. Я был плохим мужем, но ты была хорошей женой. Самой лучшей. Я просто не умел это ценить.

У тебя теперь другая жизнь. Я рад за тебя. Правда.

Прощай. Кажется, я наконец-то отпускаю тебя. И себя тоже.

Антон».

Он сохранил файл. Не прочитал. Закрыв ноутбук. Погасил лампу.

За окном занимался рассвет. Серый, скупой, северный. Но это был свет. И ему нужно было идти дальше.

Глава 7. Сто рук и одно ружье

Первое утро одиночества началось не со звона будильника, а с тишины, ворвавшейся в сознание, как только он открыл глаза. Не было привычного шума города за окном, не было настойчивых сигналов телефона. Была только тишь, такая плотная, что в ушах стоял собственный высокий писк. И холод. Легкий, пронизывающий холод, ползущий от бревенчатых стен, несмотря на то, что печь еще хранила остаточное тепло.

Антон лежал неподвижно, слушая эту тишину, и понимал,

что не слышит храпа дяди Коли. Пустота в избе была материальной. Он вдохнул, и воздух показался ему чужим, разреженным. Он был хозяином этого пространства. И его первым рабом.

«Вставай», — приказал он себе мысленно, голосом, который старался сделать похожим на спокойный, командный тон дяди Коли. Тело повиновалось с неохотой.

Первым делом — печь. Он открыл заслонку, заглянул в жерло. Угли тлели слабым багровым светом. Нужно было подбросить дров. Он сделал это, следуя вчерашнему алгоритму: мелкая щепка, потом поленья среднего размера. Огонь ожил, загудел, отбросив на стены трепетные тени. Процесс был прост, но требовал полного сосредоточения. Одна ошибка — и можно задохнуться угарным газом или устроить пожар. Каждое действие здесь имело последствия. Немедленные и неумолимые.

Потом — вода. Прорубь у колодца почти полностью замерзла, лишь в центре чернела небольшая лунка, покрытая тонкой пленкой льда. Он разбил ее, зачерпнул воду ведром. Она была ледяной, прозрачной, пахла железом и чем-то глубоким, подземным. Он отнес ведро в избу, часть поставил на печку греться, часть отлил в чугунок для готовки.

Завтрак — та же каша, но сегодня он добавил в нее щепотку соли и крошечный кусочек масла. Ел медленно, смакуя каждую ложку, чувствуя, как пища превращается в энергию, в тепло. Еда перестала быть просто привычкой или удо-

вольствием. Она стала топливом. И к этому топливу нужно было относиться бережно.

После завтрака — метеоприборы. Он вышел в специальную будку, снял показания термометра: -16°C . Барометр пал. Флюгер показывал на северо-восток. Ветер был слабым, но порывистым. Он аккуратно внес цифры в журнал, сверяясь с образцом почерка Дяди Коли. Его собственные буквы выглядели неуверенно, но он старался. Это был ритуал. Связь с большой, упорядоченной системой, частью которой он теперь, как ни странно, являлся. Он посылал в мир сигнал: «Я жив. Я на посту».

Потом он подошел к сараю. «Шишига» стояла там, темная и немая. Вчерашняя решимость что-то починить пошатнулась. Он поднял кабину, уставился на лабиринт трубок, проводов, черных от масла узлов. Он не знал, с чего начать. Страх испортить что-то окончательно был сильнее страха бездействия.

«Не знаешь — не лезь», — вспомнил он чью-то поговорку. Он ушел. Машина подождет.

Вместо этого он занялся другим. Осмотрел избу, как осматривает командир укрепрайон. И нашел кучу мелких дел, которых до этого не замечал. Скрипела дверь — нужно было смазать петли салом из запасов. Просела половица у порога — подложить щепку. В углу нашел старую, ржавую пилу-ножовку — наточил ее бруском, ощущая странное удовлетворение, когда зубья начали блестеть и цепляться за но-

готь. Он почистил дымоход печи длинной еловой веткой, как рассказывал дядя Коля, между командами по починке машины. Каждое завершённое дело отмечал в блокноте короткой строкой. Это были не отчеты для начальства. Это были отчеты самому себе. Доказательства того, что день прошёл не зря.

К обеду он устал, но усталость снова была приятной, мышечной. Он приготовил себе суп из тушенки с крупой и луком. Ел, сидя на крыльце, несмотря на холод. Смотрел на лес. Сегодня он не видел в нем однородную, угрожающую стену. Начал различать оттенки: темная зелень елей, рыжина сосен, серые стволы лиственниц, голые, причудливо изогнутые ветки березы на опушке. Лес перестал быть декорацией. Стал соседом. Молчаливым, недружелюбным, но соседом.

Именно в этот момент он впервые увидел зверя. Небольшого, размером с крупную собаку, рыжевато-бурого, с пушистым хвостом. Он вышел из-за деревьев, остановился, поднял морду, нюхая воздух. Лисица. Она посмотрела прямо на Антона. Не со страхом, а с холодным, оценивающим любопытством. Потом, не спеша, развернулась и скрылась в чаще. Визит был коротким, но значимым. Смотритель был не один. Здесь была жизнь. Дикая, равнодушная, но жизнь.

Вечером, закончив дела, он снова сел за ноутбук. Написал короткий отчет о дне, о лисе, о мелких победах над скрипом и сажей. Потом, почти машинально, открыл папку с фотографиями. Старые фото. Он с Катей на море, оба загоре-

лые, смеющиеся. На корпоративе с коллегами, в костюме, с бокалом в руке и заученной улыбкой. Фото своего кабинета. Стеллаж с моделями парусников.

Антон смотрел на эти картинки, и они казались ему чужими, как кадры из фильма о другом человеке. Тот человек улыбался, жестикулировал, строил планы. Но Антон, глядя на него теперь, видел за этим лишь огромную, изматывающую усталость. Усталость от необходимости быть кем-то. Начальником. Мужем. Успешным человеком.

Он закрыл папку. Эти картинки больше не имели над ним власти. Они были прошлым. А настоящее было здесь: завывающий в трубе ветер, тепло печи, вкус простой пищи и осознание, что он справился с еще одним днем.

На третий день одиночества случилось первое испытание. Проснувшись, обнаружил, что вода в ведре, оставленная в сенях, замерзла почти до дна. Мороз усилился. А когда он пошел к проруби, то обнаружил, что лунка снова затянулась толстым, прозрачным льдом, и пробить его пешней стало гораздо сложнее. Он бил изо всех сил, ледяные осколки летели ему в лицо, руки немели от ударов и холода.: без воды он не сможет ни приготовить еду, ни попить чаю. Он бил и бил, пока на лбу не выступил пот, а дыхание не стало рваться короткими, болезненными рывками. Наконец, лед поддался, черная вода брызнула наружу. Он зачерпнул ее, и руки его тряслись так, что он расплескал половину. Больше ритуал, воды он мог и натопить из снега.

Вернувшись в избу, он долго сидел у печи, отогреваясь, и думал. Нужна система. Нельзя рассчитывать на удачу. Взял блокнот, нарисовал простую схему: утром — растопить снег в большом чугушке на печи, пока есть запас жидкой воды. Вечером — принести свежей воды и держать ведро поближе к печке. Он начал понимать логику этого места: все было связано. Холодный день — значит, нужно больше дров. Больше дров — больше времени на их заготовку. Больше времени на заготовку — меньше времени на что-то еще. Его жизнь превращалась в тщательно сбалансированный механизм выживания.

На пятый день он снова подошел к машине. Теперь не с отчаянием, а с холодным любопытством. Он взял фонарик, сел на ящик перед открытым капотом и просто начал изучать. Следил за трубками, пытался понять, куда что ведет. Нашел воздушный фильтр — грязный. Снял его, почистил, насколько смог. Проверил уровень масла щупом — он был низким. Нашел канистру с маслом в сарае и долил. Это были мелочи, но каждая мелочь давала крошечную надежду.

Вечером пятого дня, когда он уже ложился спать, снаружи раздался шорох, а потом тихий, жалобный скулеж у двери. Антон замер. Сердце заколотилось. Медведь? Волк? Он тихо подошел к окну, приоткрыл занавеску. На крыльце, прижавшись к двери, сидел тот же лис. Но теперь он выглядел иначе: шерсть взъерошена, один глаз казался прищуренным, он явно хромот.

Зверь снова посмотрел на него сквозь стекло. И в этом взгляде была уже не оценка, а что-то иное. Просьба? Антон не знал. Он долго стоял, глядя на лиса. Потом осторожно открыл дверь, не шире щели. Лис отпрянул, но не убежал. Антон бросил ему кусок засохшего хлеба, оставшийся с ужина. Лис потянулся носом, потом, невероятно быстрым движением, схватил хлеб и исчез в темноте.

Антон закрыл дверь. Он дрожал, но не от страха. От чего-то другого. Только что вступил в контакт с дикой природой. На своих условиях. И природа приняла его дар.

Эта ночь прошла иначе. После почти недели одиночества он уже не чувствовал себя случайным гостем, песчинкой в пустоте. Был частью сложного, сурового, но живого организма под названием «это место». У него были обязанности не только перед собой, но и перед избой, перед печью, даже перед раненым лисом, который теперь, возможно, будет приходить к его порогу.

На седьмой день, утром, когда он вышел записывать показания приборов, его взгляд упал на ружье в углу. Он подошел, взял его. Оружие все еще было чужим, страшным. Но теперь страх был иного рода. Это был страх ответственности. Не за себя — за возможность добыть пищу. Запасы тушенки и крупы не бесконечны. А если вертолет задержится? Если его сменщик не приедет через две недели?

Дядя Коля говорил, что в лесу полно дичи: куропатки, зайцы. Антон никогда не охотился. Сама мысль убить живое

существо вызывала у него оторопь. Но мысль о голоде — была конкретнее.

Он вышел на крыльцо с ружьем в руках. Не для того чтобы стрелять. Просто постоять. Привыкнуть к его весу. Потом открыл затвор, проверил, чисто ли в стволе, аккуратно поставил ружье обратно. Он не был готов. Но знал, что этот день наступит. И он должен быть к нему готов. Не как горожанин, сбежавший от себя, а как человек, который живет здесь теперь.

Вечером седьмого дня, когда писал в дневник, он не стал описывать ружье. Он описал небо. Впервые за неделю тучи разошлись, и над тайгой вспыхнула россыпь звезд такой яркости и густоты, что дух захватило. Антон вышел без куртки, встал посреди заснеженного двора, и задрал голову, смотрел вверх. Млечный путь был виден как молочная река, текущая через всю небесную сферу. Холод пробирал до костей, но он не мог оторваться. Эта картина стоила всех страхов, всей грязи, всей неуверенности. Она была наградой. Она говорила ему о бесконечности, рядом с которой его маленькие проблемы, его прошлая жизнь, его страх — были ничем.

Вернувшись в избу, он дописал последнюю строку:

«Сегодня я снова увидел звезды. Настоящие. Такие, от которых забываешь, кто ты и где. Кажется, я начинаю понимать, зачем Дима звал меня сюда. Не для того чтобы спрятаться. А для того чтобы увидеть это. И, глядя на

это, наконец-то увидать самого себя. Очень маленького. И от этого — очень свободного».

Он закрыл ноутбук, потушил лампу и лег спать. За окном снова завывал ветер, обещая новую метель. Но Антон уже не боялся. Он знал, что утром встанет, растопит печь, принесет воды, проверит приборы. Будет делать то, что должно. Потому что он больше не беглец. Он — смотритель. Хранитель этого клочка тепла и порядка посреди бескрайнего холода и хаоса. И в этой роли, странным образом, он нашел то, что безуспешно искал всю жизнь: настоящее, неоспоримое, простое дело. И тишину внутри себя, чтобы его делать.

Вечером состоялся внеплановый сеанс связи, разговор был максимально коротким, ему сообщили, что напарника ему не стоит ждать и на дальнюю станцию не нужно ехать, ему разрешают ждать на базе дяди Коли до следующих распоряжений.

Глава 8. Первая кровь и ледяная молитва

Голод пришел не внезапно, а подкрался, как та лиса. Сначала просто экономия: меньше масла в кашу, меньше тушенки в суп, хлеб — строго по куску в день. Потом стало ясно — цифры в блокноте не врут. Картофель сморщился и позеленел, его пришлось выбросить. Крупа заканчивалась. Антон, привыкший к полным холодильникам и круглосуточным доставкам, впервые в жизни столкнулся с физиологией дефи-

цита. Он начал просыпаться ночью от слабого, но настойчивого спазма в желудке. Стал считать не дни, а приемы пищи.

Однажды утром, выйдя на крыльцо, он увидел на снегу свежие следы. Не лисьи — более крупные, глубокие, с четкими отпечатками когтей. Рядом — кучка помета с шерстью и мелкими косточками. Волк или волки. Они прошли в метрах двадцати от избы. Ночью. Они знали, что он здесь. И они были голодны так же, как он.

Это стало последней каплей. Романтика выживания кончилась окончательно. Началась физика.

Он взял ружье. Оно казалось вдвое тяжелее. Открыл коробку с патронами, которую нашел в сундуке дяди Коли. Патроны были старые, в бумажных гильзах, но целые. Антон зарядил ружье, шелкнул затвором. Звук был металлическим, холодным и окончательным.

Оделся как на казнь: молча, сосредоточенно. Тулуп, валенки, шапка-ушанка. Засунул за пазуху сухарь — на удачу. Взял нож, который уже привык точить и вышел.

Лес встретил его молчанием. Даже ветер стих. Снег хрустел под ногами, предательски громко. Каждый звук казался вызовом. Он шел недалеко от базы, вдоль старой лесовозной дороги, занесенной снегом. Глаза выучились видеть не «пейзаж», а детали: сломанная ветка, вмятина в снегу, царапина на коре. Антон искал жизнь. Чтобы ее отнять.

Первый раз увидел добычу через час. Серая куропатка, почти неотличимая от снега и веток, копошилась у подножия

старой березы, выискивая почки. Антон замер. Сердце заколотилось так, что ему показалось, его услышат за версту. Он медленно, очень медленно поднял ружье, прижал приклад к плечу. Щека коснулась холодного металла. Охотник поймал птицу в прицел. Видел каждое перышко, блестящий черный глаз. Палец нащупал скобу спускового крючка.

И не смог.

Мышцы свело судорогой. В горле встал ком. Он стоял, целясь в живое существо, и его прошлая жизнь — жизнь человека, который покупал куриные грудки в вакуумной упаковке, — восстала в нем стеной отвращения и ужаса. Он опустил ружье. Куропатка, почуяв неладное, взметнулась с тихим хлоптаньем и исчезла в чаще.

Антон стоял, опустив голову, тяжело дыша. Он провалил испытание. Оказался слишком мягким, слишком цивилизованным для этого места, для этого дня. Стыд жег ему щеки. Антон был не охотником, а все еще просто голодным горожанином с игрушкой в руках.

Охотник повернулся, чтобы идти назад, с пустыми руками и полной душой самоосуждения. И тут увидел зайца.

Он сидел под низко нависшей еловой лапой, свернувшись в серо-белый комок, и жевал кору с молодой осинки. Его длинные уши лишь слегка шевелились. Пушистик был совсем близко. И он не видел Антона.

На этот раз не было времени на рефлекссию. Тело сработало само. Приклад — к плечу. Щека — к прикладу. Глаз ис-

кал цель сквозь прорезь прицела. Он видел не зайца, а точку. Точку, за которой стояла еда. Тепло. Продолжение жизни.

Палец нажал.

Выстрел ударил по тишине, как удар кулака по стеклу. Грохот отдался эхом в лесу, испугнув стаю ворон. Заяц дернулся, кувыркнулся в снег и затих.

Антон стоял, оглушенный звуком и собственным поступком. Из ствола валил едкий сизый дым. Руки тряслись. Заяц лежал на боку, в его белой шкурке зияла небольшая, аккуратная дыра. Из нее сочилась кровь, алая, яркая, невероятно живая на фоне белого снега. Глаз зайца был открыт, темный, стеклянный, уже ничего не выражающий.

Антон вырвало. Он упал на колени рядом с тушкой и изверг наружу скудный завтрак и всю свою прежнюю, городскую брезгливость. Спазмы трясли его, слезы текли произвольно, смешиваясь с рвотой. Он плакал не над зайцем. Он плакал над собой. Над тем, что ему пришлось это сделать. Над тем, что смог это сделать.

Когда приступ прошел, он сел на снег, вытирая лицо рукавом. Смотрел на кровь. На свою первую добычу. И чувствовал не гордость, а тяжелую, каменную ответственность. Антон отнял жизнь. Теперь обязан был ею распорядиться с уважением. Не выбросить. Не испортить. Использовать до последней косточки.

Достал нож. Руки все еще дрожали. Перевернул еще теплую тушку и начал свежевать, как учил по скачанным ко-

гда-то в городе инструкциям. Делал это медленно, неловко, пачкаясь в крови. Шкурка снималась тяжело. Внутренности, пахнувшие травой и жизнью, он аккуратно выложил на снег. Мясо было темно-красным, плотным.

Когда он закончил, у него в руках был комок мяса и шкура. Он завернул мясо в тряпку, и положил в рюкзак. Шкуру взял в руки — она была мягкой, еще сохранявшей тепло.

Обратная дорога казалась ему длиннее. Он нес не только просто еду, но и груз. Груз вины и первородного греха добытчика. Но также и груз освобождения. Он больше не был паразитом, потребляющим запасы. А стал частью пищевой цепочки. Звеном. И это звено было окровавленным, но прочным.

Дома первым делом вымыл руки и лицо снегом, оттирая с них кровь и запах смерти. Потом развесил шкуру на растяжке в сених. Мясо разделил: часть — на суп сегодня, часть — нарезал тонкими ломтями, чтобы засолить в банке очевидно по методу дяди Коли, он нашел банку с рассолом в подвале, еще часть решил попробовать завялить, над печной трубой.

Варил суп он долго. Сначала обжарил на сале лук, потом добавил мясо, потом воду, горсть крупы. Запах, поднимавшийся из чугунка, был непохож ни на что, что знал. Он был диким, пряным, настоящим. Когда суп был готов, Антон налил себе полную миску. Первый глоток обжег губы. Ел медленно, смакуя. Мясо было жестковатым, с легким сладковатым привкусом, совершенно не похожим на магазинное. Он

ел и думал о зайце, о том лесе, о той осинке. Эта пища имела историю. И знал ее Антон от начала до конца.

После еды, сытый впервые за несколько дней, он почувствовал глубочайшую усталость. Физическую и моральную. Он лег на полати и смотрел в потолок. Перед глазами стоял стеклянный глаз зайца и алая кровь на снегу. Но теперь эти образы не вызывали тошноты. Они вызывали печаль. Тихую, уважительную печаль.

Вечером, перед тем как писать в дневник, вышел на крыльцо. Ночь была ясной и морозной. Он посмотрел на лес, теперь темный и безмолвный.

— Прости, — прошептал он в темноту. — И спасибо.

Он не знал, кому говорит. Лесу? Зайцу? Самому себе? Неважно. Это была необходимая часть ритуала.

Вернувшись, открыл дневник. Писал долго, тщательно подбирая слова.

«Сегодня я убил. Чтобы есть.

Это звучит просто и ужасно. И то, и другое — правда.

Я плакал и меня рвало. Потом я свежесвал тушу. Потом я ел.

Я не чувствую себя героем. Я чувствую себя... взрослым. Впервые в жизни. Не по паспорту. А по праву. По праву того,

кто прошел через что-то настоящее и страшное, и принял это.

Тайга не прощает сантиментов. Но она уважает необходимость. Сегодня я доказал, что понимаю эту необходимость.

Мясо лежит в рассоле. Шкура сохнет. А я сижу у печи и пишу это. И знаю, что завтра, если понадобится, я снова возьму ружье. Но теперь я буду знать цену выстрелу. И цену куску мяса в моей миске. Это знание нельзя получить в супермаркете. Его нужно выстрадать. Выплакать. Вырвать.

Я больше не гость. Я житель. Со всеми правами и обязанностями. Самая главная обязанность — уважать то, что тебя кормит. И помнить цену».

Он закрыл ноутбук. Погасил лампу. Лег спать. На этот раз сны были беспокойными. Антон бежал по лесу, а за ним гнался огромный заяц с кровавой раной на боку. Проснулся он в холодном поту. Но не от страха. От осознания: баланс нарушен. Он вступил в игру. И теперь должен играть по правилам до конца.

Наутро, выходя из избы, бросил кусок зайчатины на снег у крыльца. Для лисы. Не из доброты. Из понимания: ты — мне, я — тебе. Мы все здесь в одной лодке. В одной суровой,

бескрайней, голодной и прекрасной тайге.

Глава 9. Зов стали и дорога сквозь хрусталь

Машина не хотела его покидать. Антон проводил у сарая по несколько часов в день, не столько чиня, сколько медитируя над железным телом Газика. Он разговаривал с ней, как дядя Коля разговаривал с лесом. Говорил о дороге, о станции, о том, что нужно сделать. Антон не был механиком, но стал диагностом отчаяния. Он исключил все, что мог: топливные фильтры прочистил, свечи выкрутил и почистил наждачкой, они были в ужасном состоянии, проверил все доступные провода на предмет обрыва. Он делал это методично, как когда-то составлял планы, но теперь его планы были высечены в ржавом металле и грязи.

Он бы мог и дальше оставаться тут, но он должен был выполнить свою работу, он просто не умел по-другому. Дальняя станция-цель, Антон-снаряд.

И вот, на четырнадцатый день одиночества, отбросив «шелуху» излишней осторожности и городского страха что-то сломать, он полез туда, куда не лез раньше — к топливному насосу высокого давления. Старый, закоксованный, похожий на многоступенчатого железного жука агрегат. Он снял его с помощью двух рожковых ключей и немалых усилий. Внутри, в лабиринте каналов и плунжеров, нашел то, что искал: крошечную, почти невидимую соринку, волосок, кусо-

чек окалины. Который застрял в одном из каналов, не давая топливу идти под нужным давлением.

Холодное удовлетворение от решенной задачи. Он прочистил канал тонкой проволокой, собрал насос обратно, затянул болты. Руки работали сами, помня последовательность. Залил в бак бензина из канистры, найденной в углу, и сел за руль.

Первый раз дернул стартер. Мотор кашлянул и замолк. Второй раз — то же самое. На третий раз, когда Антон уже приготовился к поражению, двигатель схватился, зачихал, и из выхлопной трубы повалил густой, черный дым. Потом дым стал сизым, а мотор — работать ровнее, с глухим, здоровым урчанием, которое отдавалось вибрацией по всему кузову. Антон сидел, не веря своим ушам. Он не чинил машину. Он воскрешал ее. Вдохнул в эту грудку железа жизнь. И теперь она отвечала ему мощным, животным рыком.

Он дал двигателю прогреться, сам вышел, обошел «Шишигу», похлопал по теплоту «капоту».

— Ну что, старушка, поедем? — спросил он, и в его голосе была нежность, которой не было даже к людям.

Машина ответила ему ровным гулом. Да. Поедем.

Сборы заняли меньше часа. Он упаковал рюкзак: сухари, засоленное мясо зайца, чай, соль, спички, нож, аптечка. Взял ружье и патроны. Еще раз посмотрел на карту, дорога была одна. Загрузил несколько канистр топлива в кузов. Он напи-

сал короткую записку на случай, если приедет кто-то: «Уехал на станцию «Зимовье» на ГАЗ-66. Антон Белянский. Дата.» Приколол ее к двери избы гвоздем. Взял с собой спутниковый телефон.

Потом он еще раз обошел свою маленькую империю. Избу, где научился топить печь. Сарай, где воскресил машину. Место у крыльца, где кормил лису. Лесную опушку, где взял свою первую кровь. Антон смотрел на все это не как на место заточения, а как на первую, суровую школу. Школу, которую он с горем пополам, но окончил.

Он сел за руль. Рычаг переключения передач поддался с усилием. Выжал сцепление (оно работало, не гудело!), включил первую. «Шишига» дернулась, ее огромные колеса с трудом провернулись в слежавшемся снегу, и она, кряхтя и поскрипывая, выползла из сарая на залитое холодным солнцем пространство перед базой.

Антон сделал круг по двору, проверяя управление. Потом направил грузовик на едва заметную колею, уходящую в лес. Это была дорога. Та самая, что вела на станцию «Зимовье». Двести километров сквозь тайгу и тундру.

Первые километры были почти идиллическими. Дорога шла по старой лесовозной трассе, накатанной когда-то тяжелой техникой. Снег здесь был плотным, и «Шишига» шла уверенно, глухо урча двигателем, преодолевая мелкие подъемы и спуски. Антон вел машину медленно, осторожно, вглядываясь в дорогу. Он не думал о станции, о том, что его

ждет. Он был полностью поглощен процессом: вот яма под снегом — объехать, вот наклоненное дерево — пригнуться. Его мир сузился до лобового стекла, до руля в руках, до дороги под колесами.

Но постепенно, по мере удаления от базы, хорошая дорога кончилась. Начался «зимник» — стихийная дорога, проложенная по замерзшим болотам и руслам ручьев. Здесь не было ориентиров, только редкие вешки — длинные жерди с тряпками на конце, воткнутые в снег. Некоторые были повалены, некоторые вовсе отсутствовали. Он открывал карту сфотографированную на смартфон.

Машина начала буксовать, проваливаться в рыхлый снег на обочинах. Антон вылезал, брал лопату, откапывал колеса, подкладывал под них еловый лапник. Потом снова садился за руль, и стальная махина, рыча, выбиралась на утоптанную трассу. Работа была изматывающей, но в ней не было места сомнениям. Была только цель: проехать вот этот участок. Потом следующий.

Антон остановился на перекус уже в сумерках, не доехав и половины пути. Развел маленький костер из сушняка прямо на льду замерзшей речушки, вскипятил в котелке снег, заварил чай. Сидел на бревне, жевал сухарь с солониной и смотрел, как фиолетовые тени ложатся на снежные сугробы. Тишина была абсолютной, нарушаемой лишь потрескиванием костра и далеким, ледяным треском деревьев. Антон не чувствовал себя героем-первопроходцем. Он чувствовал се-

бя просто человеком, который едет из точки А в точку Б. Но каждая его клеточка знала, что эта поездка — самое важное путешествие в его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.